

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР #1

ДЭН БРАУН

10+

Иллюстрированная версия бестселлера,
адаптированная автором специально
для молодого поколения читателей!

Дэн Браун

Код да Винчи 10+

«АСТ»

2003

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)-44

Браун Д.

Код да Винчи 10+ / Д. Браун — «АСТ», 2003

ISBN 978-5-17-100692-1

Роберт Лэнгдон, профессор Гарварда, приезжает в Париж, чтобы прочитать лекцию в Американском университете, а еще встретиться с хранителем Лувра Жаком Соньером. Но тем же вечером Роберт узнает, что хранитель мертв и основным подозреваемым в этом деле оказывается он сам. Помочь Роберту сможет только Софи Невё, внучка хранителя, но у них не так много времени, чтобы доказать невиновность Лэнгдона, а главное – разгадать послание, которое Жак Соньер оставил им перед смертью. В противном случае правда, тщательно охраняемая веками, будет утеряна навсегда...

УДК 821.111(73)

ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-100692-1

© Браун Д., 2003

© АСТ, 2003

Содержание

Дорогой читатель!	6
Факты	7
Пролог	8
Глава 1	10
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	32
Глава 11	35
Глава 12	37
Глава 13	40
Глава 14	42
Глава 15	45
Глава 16	48
Глава 17	51
Глава 18	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Дэн Браун

Код да Винчи 10+

Посвящается Блайт... снова. В еще большей степени, чем когда-либо

Печатается с разрешения Sanford J. Greenburger Associates, Inc. и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© Dan Brown, 2016

© Перевод. А. А. Соколов, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Дорогой читатель!

Мне всегда нравились тайны и коды.

Есть нечто магическое в моменте, когда прозреваешь и видишь то, что пряталось... прямо у тебя перед глазами.

С первым кодом я познакомился в десять лет – это была странная последовательность символов, нацарапанных на клочке бумаги, подвешенном на рождественской елке. Когда в итоге я их расшифровал, то прочитал послание от родителей – они сообщали, что через несколько часов мы всей семьей отправляемся в праздничное путешествие.

С того утра коды меня завораживают – эти секретные сообщения, понять которые можно, лишь предварительно разгадав их. Всю жизнь я изучал этот тайный мир и несколько лет назад столкнулся с самой мистической загадкой в своей жизни.

Код был древним... и приводил в замешательство. Но самое главное – находился у всех на виду, там, где любой человек мог его заметить.

По легенде, этот код охранял некую поразительную тайну. Кое-кто даже утверждал, будто секрет настолько потрясающий, что раскрывшему его человеку мир предстанет в совершенно ином свете, чем прежде. Другие возражали, что эта тайна не более чем миф – всего лишь игра воображения.

Как бы то ни было, книга в ваших руках – история о том, как мужчина и женщина пытаются расшифровать этот код и снять с него извечный покров таинственности. Не знаю, поверите ли вы их открытиям, но надеюсь, что путешествие вместе с ними вдохновит вас никогда не отступать от поисков собственной правды, какой бы она ни была.

*От всей души,
Дэн Браун*

A stylized, handwritten signature in black ink, appearing to read 'Dan Brown'.

Факты

Приорат Сиона – основанное в 1099 году тайное европейское общество, реальная организация. В 1975 году в Париже в Национальной библиотеке были обнаружены так называемые «секретные досье» – рукописи, в которых упоминались многие из членов Приората, включая ученого сэра Исаака Ньютона, художника и скульптора Сандро Боттичелли, писателя Виктора Гюго и художника и изобретателя Леонардо да Винчи.

«Опус Деи» – католическая секта, проповедующая исключительную набожность. Получила скандальную известность из-за крайне агрессивной практики. Отстроила в Нью-Йорке национальную штаб-квартиру, которая обошлась ей в 47 миллионов долларов.

Все описания произведений искусства, архитектуры, документов и тайных ритуалов в романе достоверны.

Пролог

Лувр, Париж
22.46

Знаменитый хранитель музея Жак Соньер, спотыкаясь, вступил под своды Большой галереи и повернул к ближайшей картине. Это оказалось полотно Караваджо. Ухватившись за золоченую раму, семидесятишестилетний старик с силой дернул шедевр семнадцатого века и рухнул под его тяжестью.

Как и следовало ожидать, неподалеку, отсекая вход в помещение, с грохотом опустилась металлическая решетка. Паркетный пол задрожал. Где-то вдалеке послышалось завывание охранной сигнализации. Жак Соньер, пытаясь отдышаться и оценить положение, какое-то время лежал неподвижно. *Я еще жив.* Затем выбрался из-под картины и окинул взглядом большой зал, ища, где бы спрятаться.

– Не двигайся, – раздался пугающе близко чей-то голос.

Замерший на четвереньках хранитель медленно повернул голову. По другую сторону решетки, футах в пятнадцати от старика, маячил огромный силуэт. Незнакомый разглядывал его сквозь железные прутья. Он был высок и широк в плечах, с мертвенно-бледной кожей и жидкими прядями белых волос. В центре розовых радужек глаз темнели красные зрачки. Альбинос вытащил пистолет и направил ствол через решетку.

– Не надо было бежать. – По его произношению трудно было судить, откуда он родом. – А теперь говори, где это находится.

– Я уже сказал, – пробормотал хранитель. – Понятия не имею, о чем вы.

– Лжешь! – Альбинос пристально смотрел на него, и в темноте лишь призрачно блестели его глаза. – Ты со своим братством владеешь тем, на что у вас нет прав. Скажи, где это спрятано, и останешься жив. – Дуло поднялось на уровень головы Соньера. – Неужели из-за этого секрета ты готов умереть?

У хранителя перехватило дыхание. Альбинос склонил голову набок и взглянул на ствол пистолета.

Соньер, защищаясь, вскинул руки и медленно проговорил:

– Постойте, я скажу, что вам нужно.

Он тщательно подбирал слова, но все они были давно отрепетированной ложью. Когда он закончил, убийца самодовольно улыбнулся.

– Это именно то, что говорили мне остальные.

Соньер отшатнулся. *Остальные?*

– Их я тоже нашел, – насмешливо бросил верзила. – И они подтвердили то, что я сейчас услышал.

Не может быть! Подлинная личность хранителя, как и трех его *sénéchaux*, или подручных-крестоносцев, была почти такой же священной тайной, как та, древняя, которую они оберегали. Но Соньер тут же понял, что *sénéchaux*, следуя строгим инструкциям, также перед смертью солгали, изложив заранее заготовленную версию.

Неизвестный снова прицелился.

– Когда тебя не станет, я буду единственным, кому известна правда.

Правда! Мгновение спустя хранитель оценил весь ужас положения. *Если я умру, правда будет навсегда утрачена.* Он судорожно огляделся в поисках укрытия.

Раздался выстрел, живот, куда угодила пуля, обожгло огнем. Не удержавшись на внезапно ослабевших руках, Соньер рухнул на пол. Превозмогая боль, с трудом перевернулся и посмотрел на убийцу.

Тот теперь целил ему в лоб.

Соньер закрыл глаза, в голове бушевал вихрь – его одновременно обуревали страх и горечь.

Холостой щелчок отозвался в галерее эхом.

Хранитель широко открыл глаза.

Убийца почти с удивлением осмотрел оружие. Его рука потянулась за запасной обоймой. Но затем он передумал и, глядя на живот хранителя, усмехнулся.

Соньер опустил взгляд и заметил на своей белой льняной рубашке дырочку от пули. Маленький кровавый кружок расплывался в нескольких дюймах ниже грудины. *Желудок*. Военный опыт подсказывал, что жить ему осталось минут пятнадцать, не больше.

– Я сделал свое дело, – заявил альбинос и ушел.

Оставшись один, хранитель вновь перевел взгляд на железную решетку. Чтобы ее открыть, потребуется не меньше двадцати минут. К тому времени, когда его найдут, он будет уже мертв. Его охватил страх, гораздо более сильный, чем страх собственной смерти.

Необходимо передать секрет. Он собрал остатки сил и попытался подняться. С трудом вставая на ноги, представил себе троих погибших братьев. Подумал о живших до них поколениях и о миссии, которую им доверили.

Беречь неразрывную цепь знания.

Несмотря на все предосторожности... несмотря на все принятые меры безопасности... Жак Соньер остался единственным связующим звеном, единственным хранителем одной из самых важных тайн на земле. Дрожа от напряжения, он наконец встал.

Надо найти какой-нибудь способ...

Он в ловушке в Большой галерее, и на свете есть только один человек, кому он может передать светоч знания. Соньер окинул взглядом стены своей величественной тюрьмы. Картины из коллекции самых знаменитых мировых полотен, казалось, улыбались ему, словно старые друзья.

Кривясь от боли, он призвал на помощь все свои способности и силы, понимая: для выполнения почти безнадежной задачи требовалась каждая оставшаяся секунда его жизни.

Глава 1

Роберт Лэнгдон проснулся не сразу.

Его разбудил пронзительно-резкий, незнакомый телефонный звонок. Он пошарил рукой в темноте в поисках прикроватной лампы и включил свет. Прищурившись, осмотрел роскошную спальню со старинной мебелью восемнадцатого века, расписанные вручную стены и необъятных размеров кровать из красного дерева с балдахином.

Где это я?

На висящем на столбике кровати халате из жаккардовой ткани красовалась монограмма «Отель Ритц, Париж».

Постепенно в голове у него стало проясняться. Сев, он устало посмотрел в большое зеркало на противоположной стене. Ему ответил взглядом незнакомец – взъерошенный и изнуренный. Его обычно пронизательные голубые глаза затуманились и запали. Сильный волевой подбородок был покрыт темной щетиной, а ярко выделяющаяся седина на висках расплзалась в густых жестких черных волосах.

Роберт поднял трубку.

– Слушаю.

– Месье Лэнгдон, – раздался мужской голос, – надеюсь, я вас не разбудил?

Плохо соображая, Роберт посмотрел на часы на прикроватной тумбочке. Было 12.32 ночи. Он проспал всего час и чувствовал себя смертельно усталым.

– Это консьерж, месье. Прошу прощения, что потревожил, но к вам гость. Он утверждает, что это очень срочно.

Гость? Лэнгдон никак не мог прийти в себя. Его взгляд упал на скомканный листок на тумбочке.

АМЕРИКАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПАРИЖА

имеет честь пригласить

НА ВЕЧЕР С ПРОФЕССОРОМ РЕЛИГИОЗНОЙ СИМВОЛИКИ

ГАРВАРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (США)

РОБЕРТОМ ЛЭНГДОНОМ

Лэнгдон тихо простонал. Его книги по религиозной живописи и символике невольно превратили его в знаменитость в мире искусства, и сегодняшняя лекция с показом слайдов о языческих символах в каменной резьбе Шартрского собора, видимо, разбередила консервативные души слушателей. Скорее всего, какой-нибудь не в меру ревностный исследователь религии проследовал за ним до гостиницы, чтобы утешить себя хорошей потасовкой.

– Простите, – ответил он, – я очень устал.

– Mais, monsieur¹, – не отступал консьерж, понизив голос до настойчивого шепота. – Этот гость – очень важная персона. И сейчас он поднимается в ваш номер.

Лэнгдон моментально проснулся.

– Вы пропустили человека ко мне в номер?

– Прошу прощения, месье, но не представляю, какой надо обладать властью, чтобы его задержать.

– Да кто он такой?

Но консьерж уже отсоединился. И почти тут же тяжелый кулак ударил в дверь номера.

Лэнгдон сполз с кровати и ощутил, как пальцы ног глубоко утонули в ковре. Накинув гостиничный халат, подошел к двери.

¹ Но, месье (фр.). – Здесь и далее примеч. пер.

– Кто там?

– Мистер Лэнгдон, мне надо с вами потолковать. – Гость говорил по-английски с акцентом, но тон был резким, начальственным. – Я лейтенант Жером Колле из центральной дирекции судебной полиции.

Лэнгдон замер. *Судебной полиции?* Что понадобилось от него этой организации, выполнявшей примерно те же функции, что ФБР в США?

Не снимая цепочку, он приоткрыл дверь на несколько дюймов. За порогом стоял худощавый мужчина в синей форме с узким, изможденным лицом.

– Можно войти? – спросил Колле.

Лэнгдон все еще колебался и не спешил впускать гостя.

– В чем дело?

– Капитан просит дать ему консультацию в частном порядке.

– Сейчас? – только и сумел выговорить Лэнгдон. – Время за полночь.

– Я правильно понимаю, что сегодня вечером вы планировали встретиться с хранителем Лувра?

Лэнгдон почувствовал нарастающую тревогу. Они с достопочтенным хранителем Жаком Соньером договорились встретиться и поговорить за бокалом после лекции, но тот так и не объявился.

– Да. Откуда это вам известно?

– Мы нашли вашу фамилию в его дневнике.

– Надеюсь, с ним ничего плохого не случилось?

Полицейский тяжело вздохнул и просунул в щель между дверью и косяком сделанный «Полароидом» снимок.

Лэнгдон взглянул на карточку и похолодел.

– Фотографировали меньше часа назад. В Лувре.

Лэнгдон смотрел на странное изображение, и первоначальное потрясение и чувство отвращения уступали место гневу.

– Мы надеемся, что, учитывая ваши познания в области символики и договоренность встретиться с Соньером, вы сможете нам разобраться в том, что произошло.

Теперь к потрясению у Лэнгдона добавился еще и страх.

– Вот этот символ, – начал он, – и то, как тело необычно...

– Расположено? – подсказал полицейский.

Лэнгдон кивнул и почувствовал, как у него по коже побежали мурашки.

– Не представляю, чтобы кто-то был способен совершить такое с человеком.

Полицейский еще больше помрачнел.

– Вы меня не поняли, мистер Лэнгдон. – Он запнулся и продолжил: – То, что вы видите на фотографии, месье Соньер сделал с собой сам.

Глава 2

В миле от отеля великан-альбинос по имени Сайлас, прихрамывая, вошел в ворота шикарного особняка на улице Лабрюйер. На бедре он носил повязку с острыми шипами – *сilice*. Такими пользовались все истинные последователи «Пути»; в кожаные ремешки были вделаны колючки, которые впивались в тело и не позволяли забывать о крестных муках Христа. Его душа пела от радости, ведь ему удалось послужить Создателю.

Сайлас вошел в вестибюль и, стараясь никого не разбудить, тихо поднялся по лестнице. Дверь в его спальню была открыта. В этом месте замки не разрешались. Он переступил порог и притворил за собой дверь.

Обстановка была спартанской: деревянный пол, сосновый комод с зеркалом, служивший постелью, брезентовый матрас в углу. В Париже на этой неделе он только гостил, но в Нью-Йорке уже многие годы был благодетельствован подобным убежищем.

Господь наделил меня кровом и целью в жизни.

Сегодня Сайлас наконец почувствовал, что начинает возвращать долг. Он поспешил к комоду, достал спрятанный на дне нижнего ящика мобильный телефон и набрал номер.

– Да? – ответил мужской голос.

– Учитель, я вернулся.

– Говори, – приказал собеседник, судя по всему, довольный тем, что слышит Сайласа.

– Все четверо мертвы. Трое *sépéchaux* и сам Великий магистр.

Повисла пауза, словно Учитель возносил молитву.

– В таком случае, надо думать, ты располагаешь информацией?

– Все четверо сказали одно и то же. Независимо друг от друга. – Сайлас помолчал, понимая, что информация, которую он вытянул из жертв, способна вызвать потрясение. – Учитель, все они, как один, подтвердили, что *clef de voûte*... легендарный *краеугольный камень* существует.

В трубке послышалось, как его собеседник коротко втянул в себя воздух, и Сайлас на расстоянии ощутил волнение Учителя.

– *Краеугольный камень*...

Согласно поверью, братство выгравировало карту на каменной пластине, с указанием на место последнего упокоения его главной тайны, тайны, настолько могущественной, что ее защита стала смыслом существования самого братства.

– Когда мы завладеем *краеугольным камнем*, то окажемся всего в одном шаге от цели, – прошептал Учитель.

– Мы ближе к ней, чем вы думаете. Камень здесь, в Париже.

– В Париже? Невероятно! Все складывается слишком просто.

Сайлас рассказал, как развивались вечером события... как все четыре жертвы сообщили буквально одно и то же: *краеугольный камень* хитроумно спрятан в определенном месте в одном из древних парижских храмов – церкви Сен-Сюльпис.

– В доме Господнем! – воскликнул Учитель. – Они над нами насмеются!

– Как поступали веками.

Учитель умолк, словно хотел осознать торжество момента. И наконец заговорил:

– Ты сослужил великую службу Господу. А теперь должен добыть для меня этот камень. Немедленно. Сегодня ночью. – И он объяснил, что следовало сделать.

Повесив трубку, Сайлас почувствовал, как вся его кожа покрывается мурашками от предвкушения. Один час, твердил он себе, благодарный, что Учитель дал ему время покаяться, прежде чем вступить в дом Господень. *Я должен очиститься от совершенных сегодня грехов.*

Боль – это то, что требуется, прошептал он.

Глава 3

Бодрящий апрельский воздух врывается в окно мчавшейся по улицам Парижа полицейской машины. Сидевший рядом с водителем Роберт Лэнгдон старался привести в порядок мысли. Наспех приняв душ и побрившись, он выглядел относительно прилично, но не сумел унять бушующей внутри тревоги. Пугающий снимок бездыханного тела хранителя продолжал стоять перед его глазами.

Жак Соньер умер.

Его смерть невольно вызвала острое чувство потери. Пусть Соньер и слыл затворником, своей приверженностью искусству он заслужил справедливое уважение, и Лэнгдон совсем недавно радостно предвкушал встречу с этим человеком.

Город за окнами машины мало-помалу засыпал: торговцы катили тележки с засахаренным миндалем, официанты выставляли на тротуар мешки с мусором, припозднившиеся парочки жались друг к другу, стараясь согреться на свежем, пропитанном ароматом жасмина ветерке. «Ситроен» полновластно передвигался в этом уличном хаосе, прорезая поток машин сиреной, словно ножом.

– Капитан обрадовался, узнав, что вы сегодня вечером все еще в Париже, – сказал полицейский, прибавляя газ на северном подъезде к знаменитому саду Тюильри – месте, которое Лэнгдон почитал почти священным. В этом саду художник Клод Моне экспериментировал с формой и цветом, став позднее родоначальником движения импрессионистов.

Полицейский выключил ревущую сирену, и Лэнгдон с облегчением вздохнул, наслаждаясь наступившей тишиной. Машина вильнула влево, пронеслась по центральной аллее парка, обогнула круглый пруд, пересекла пустой проспект генерала Лемонье и вылетела на широкое четырехугольное пространство. Впереди показался обозначенный гигантской каменной аркой выход из сада Тюильри.

Арка на площади Карузель.

Все, кто ценит искусство, любят это место. С этой точки открывается вид на четыре лучших в мире художественных музеев – по одному на каждой стороне горизонта. Из правого окна на юге был виден ярко расцвеченный иллюминацией фасад популярного Музея д'Орсе, расположенного в здании бывшего железнодорожного вокзала, – ныне экспозиция произведений изобразительных и прикладных искусств. Стоило повернуть голову налево, и перед глазами вставала верхушка здания Центра Помпиду в стиле ультрамодерн, приютившего Музей современного искусства. За спиной над деревьями возвышался Луксорский обелиск, стоящий перед Национальной галереей Жё-де-Пом.

А впереди на востоке в просвете арки Лэнгдон видел дворец эпохи Ренессанса, превратившийся в самый знаменитый в мире музей – Лувр.

Сооруженный в форме гигантской лошадиной подковы, он был самым длинным в Европе зданием – длиннее трех Эйфелевых башен, если положить их на бок одну за другой. Лувр вырастал на фоне парижского неба, словно цитадель – великолепный ансамбль с площадью в миллион квадратных футов между музейными крыльями. Лэнгдон вспомнил, как впервые обошел Лувр по периметру: получилась на удивление долгая прогулка в три мили длиной.

Считается, что туристу потребовалось бы не меньше пяти недель, чтобы по достоинству оценить все 65 300 находящихся в здании произведений искусства. Однако большинство посетителей ограничиваются коротким осмотром, который Лэнгдон называл «облегченным вариантом Лувра» – спринтерской пробежкой по музею к трем самым знаменитым экспонатам – портрету Моны Лизы и мраморным изваяниям: Венеры Милосской и символизирующей победу крылатой богини Ники.

Водитель достал рацию и выпалил в микрофон на французском:

– Monsieur Langdon est arrivé. Deux minutes². – Затем он повернулся к Роберту. – Капитан встретит вас у главного входа. – Он нажал на газ и подогнал «ситроен» к бордюроному камню. Впереди гордо возвышался главный вход в музей.

La Pyramide.

Вход представлял собой стеклянную пирамиду в стиле неомодерн, спроектированную американским архитектором китайского происхождения Й. М. Пеем. Она стала почти такой же знаменитостью, как сам Лувр, хотя вокруг нее по-прежнему не утихали споры.

– Вам нравится наша пирамида? – спросил полицейский.

Лэнгдон нахмурился. Он понимал, что вопрос с подвохом: ответь он, что пирамида ему нравится, могут уличить в дурном вкусе. Сказать не нравится – значит нанести обиду французу.

– Франсуа Миттеран был человеком не робкого десятка, – решил он на компромисс, уходя от прямого ответа.

Поговаривали, что благословивший строительство пирамиды покойный президент Франции страдал «фараоновым комплексом» и наполнял Париж египетскими обелисками, произведениями искусства и артефактами.

– Как зовут капитана? – спросил Лэнгдон, меняя тему.

– Безу Фаш, – ответил полицейский. – Мы прозвали его le Taureau.

Лэнгдон покосился на него.

– Быком?

Полицейский удивленно приподнял брови.

– Ваш французский лучше, чем вы признаетесь.

Мой французский нигде не годится, подумал Роберт. *Зато я неплохо разбираюсь в астрологии. А Taurus* везде означает «телец».

Полицейский остановил машину и указал на проход между двумя фонтанами к вращающейся двери в пирамиде.

– Мне приказано высадить вас здесь и заняться другими делами. Удачи, месье.

Лэнгдон тяжело вздохнул и вылез из машины. Та умчалась прочь, а он побрел к главному входу в музей и уже собрался постучать в стекло, но тут из темноты возникла поднимающаяся по винтовой лестнице фигура. Мужчина был коренаст, широкоплеч и смугл, с мощными короткими ногами. Он жестом пригласил Лэнгдона внутрь.

– Я Безу Фаш, – представился он, когда Лэнгдон переступил порог. – Капитан центральной дирекции судебной полиции. – Голос у него был соответствующий: гортанный рокот, словно надвигающийся шторм.

Лэнгдон протянул руку.

– Роберт Лэнгдон.

Фаш с сокрушительной силой сжал его ладонь.

– Пойдемте, мистер Лэнгдон. – Темные глаза капитана неотрывно смотрели на него.

² Месье Лэнгдон приехал. Будет через две минуты (*фр.*).

Глава 4

Капитан Фаш держался, как разъяренный бык: плечи развернуты, подбородок уперт в грудь.

Лэнгдон последовал за ним по знаменитой мраморной винтовой лестнице в подземный атриум под стеклянной пирамидой. Спускаясь, они миновали двух вооруженных автоматами полицейских. Смысл их присутствия был очевиден: никто не войдет в музей и не покинет его, если на то не будет благословения капитана Фаша.

Лэнгдон подавил неприятное чувство. В обхождении Фаша он не заметил особого радушия, и атмосфера в Лувре в этот час была почти мрачной. Лестница, как проход в темном зале кинотеатра, освещалась цепочкой встроенных в ступеньки неярких ламп, каждый шаг отдавался эхом под стеклянным куполом над головой. Посмотрев вверх, Лэнгдон увидел мелькавшие на стеклах брызги от фонтанов.

– Одобряете? – Фаш указал вверх, приподняв широкий подбородок.

– Ваша пирамида великолепна, – вздохнул Лэнгдон, слишком уставший, чтобы продолжить игру.

– Шрам на лице Парижа, – буркнул полицейский.

Один – ноль. Лэнгдон почувствовал, что пригласившему его французу не так-то просто угодить. Интересно, подумал он, в курсе ли Фаш, что купол пирамиды по недвусмысленному требованию президента Миттерана сооружен из 666 стеклянных панелей? Это странное пожелание вызывало жаркие споры среди любителей искать во всем тайный смысл и считавших, что цифра 666 не что иное, как число сатаны.

Лэнгдон решил не обсуждать эту тему.

По мере того как они спускались в подземный вестибюль, его взгляду открывалось все больше погруженного в сумрак пространства. Сооруженный в пятидесяти семи футах под землей зал площадью в 70 000 квадратных футов напоминал бескрайний грот. Бледно-желтый мрамор отделки сочетался с золотистым камнем фасада здания. Обычно это помещение искрилось солнечным светом и гудело толпой туристов, но сегодня было пустым и темным, отчего возникало ощущение, будто находишься в холодном склепе.

– Где же штатная музейная охрана? – спросил Лэнгдон.

– *En quarantaine*³. – Фаш ответил таким тоном, словно Лэнгдон подвергал сомнению его решение. – Сегодня вечером в здание проник человек, которого явно не должны были сюда пускать. Охранников Лувра допрашивают, а пока их функции выполняют мои люди.

Лэнгдон кивнул и прибавил шаг, чтобы не отставать от Фаша.

– Насколько хорошо вы знали Жака Соньера? – спросил капитан.

– Вообще не знал. Мы ни разу не встречались.

– То есть сегодня вы должны были с ним познакомиться? – удивился Фаш.

– Да. Мы договорились встретиться с ним у стойки администратора в Американском институте после моей лекции, но он не пришел.

Пока Фаш делал пометки в маленькой записной книжке, Лэнгдон окинул взглядом менее известную пирамиду Лувра – перевернутую. Это был световой люк, который нависал сверху, словно сталактит.

– Кто первый предложил встречу? – неожиданно спросил капитан. Они поднялись на несколько ступенек вверх. – Вы или он?

Вопрос показался Лэнгдону странным.

³ В карантине (*фр.*).

– Соньер, – ответил он, пока они шли по проходу в южное крыло «Денон», самый известный из трех музейных отделов. – Несколько недель назад его секретарь связалась со мной по электронной почте. Написала, что хранитель наслышан, что в этом месяце я собираюсь прочитать в Париже лекцию, и хотел бы обсудить со мной какие-то вопросы.

– Какие именно?

– Не знаю. Полагаю, имеющие отношение к искусству. У нас с ним одинаковые интересы. Фаш окинул его недоверчивым взглядом.

– Вы не представляете, по какому поводу должны были встречаться с Соньером?

Лэнгдон не представлял. Когда он получил письмо секретаря хранителя, ему стало любопытно, но он посчитал неудобным интересоваться деталями. Уважаемый господин Соньер ценил уединенность и почти ни с кем не встречался. Лэнгдон испытал благодарность уже за то, что ему представилась возможность с ним увидеться.

– Мистер Лэнгдон, неужели у вас нет ни малейшего представления, что собирался обсудить с вами хранитель Лувра вечером, когда его убили? Это могло бы помочь расследованию.

От многозначительности вопроса Лэнгдону стало не по себе.

– Понятия не имею. Не спрашивал. Почел за честь, что он вообще решил со мной связаться. Я ценитель работ господина Соньера и часто пользуюсь на занятиях его текстами.

Фаш занес и этот факт в свою записную книжку.

Они успели пройти половину пути по тоннелю в крыло «Денон», когда впереди показались два ведущих вверх неподвижных эскалатора.

– Поднимемся на лифте, – предложил Фаш. – Вы же знаете, до галереи еще идти и идти. – Он провел мясистой рукой по волосам. – Так у вас были с Соньером общие интересы? – продолжил он, когда двери лифта открылись.

– Да. Если хотите знать, большую часть прошлого года я работал над проектом книги, тема которой касается сферы его занятий. И хотел услышать его суждение.

– Понимаю. И какова же ее тема?

Лэнгдон колебался, не зная, как лучше сформулировать ответ.

– Книга в своей основе о культе богини – принципе женской святости и связанной с этим понятием символикой в искусстве.

– Соньер был знатоком в этой области?

– Как никто другой.

– Возможно, он прослышал о вашей книге и пригласил вас на встречу, чтобы предложить помощь?

Лэнгдон покачал головой.

– О моей рукописи не знал ни один человек. Она была всего лишь наброском, и я не показывал ее никому, кроме моего издателя.

– Вы никогда не разговаривали с меье Соньером? – спросил капитан, когда лифт пришел в движение. – Не переписывались? Ничего не посылали друг другу по почте?

Еще один странный вопрос.

– Нет. Никогда.

Фаш тряхнул головой, словно для того, чтобы этот факт крепче отложился в памяти. Никак не прокомментировал ответ и молча смотрел в хромированные двери кабины. В их отражении Лэнгдон заметил у капитана зажим для галстука – серебряное распятие с тринадцатью крупинками черного оникса. Символ был известен под названием *cruz gemmata*: крест с тринадцатью драгоценными камнями являлся графическим изображением Христа и двенадцати апостолов. Лэнгдон не ожидал, что капитан французской полиции будет так открыто афишировать свои религиозные взгляды. Хотя, с другой стороны, это типично для Франции, где христианство не столько религия, сколько право по рождению.

Лифт дрогнул и остановился, и в этот момент Лэнгдон поймал отразившийся в дверях направленный на него взгляд капитана Фаша.

Он поспешно вышел за ним в коридор и от неожиданности замер. Фаш обернулся.

– Я вижу, мистер Лэнгдон, вам не случалось бывать в Лувре после закрытия.

Интересно, подумал Лэнгдон, пытаюсь овладеть собой, *как бы я попал сюда ночью?*

Галереи Лувра славятся своими высокими потолками и обычно залиты светом, но сегодня в них было удивительно темно. Приглушенное красное сияние, казалось, лилось из-за плинтуса, и на мозаичном полу там и тут расплывались багровые лужицы.

Вглядевшись в тусклоосвещенный коридор, Лэнгдон удивился, как ему сразу не пришла в голову эта мысль. Все крупные музеи мира пользуются красным светом в качестве служебного ночного освещения. Неяркая, нетравмирующая подсветка позволяет сотрудникам и охране находить дорогу и в то же время сохраняет полотна в относительной темноте, устраняя эффект старения из-за долгого нахождения на ярком свету.

– Сюда. – Фаш круто повернул вправо и повел его по соединяющимся друг с другом галереям.

По сторонам, словно снимки в проявителе, возникали огромные полотна и пристально следили за их перемещением. Под потолком камеры безопасности не сводили с них объективов, будто предупреждая: *Вы у нас на виду. Не вздумайте к чему-нибудь прикоснуться.*

– Среди них есть и настоящие? – поинтересовался Лэнгдон, кивнув на камеры.

– Конечно нет, – мотнул головой Фаш.

Лэнгдон ничуть не удивился. Площадь галерей Лувра составляла многие акры – потребовались бы сотни сотрудников, чтобы только просматривать видеоматериал. В наши дни большинство крупных музеев придерживаются политики безопасности, основанной на принципе поимки преступника. *Не надо отпугивать вора. Надо запереть его внутри.* Система включается после окончания работы музея. Теперь, если злоумышленник тронет произведение искусства, выходы из зала будут перекрыты и он окажется за решеткой еще до того, как прибудет полиция.

Где-то в глубине мраморного коридора слышалось эхо голосов. Шум доносился из утопленного справа в глубину стены алькова. Из двери на пол падал яркий свет.

– Кабинет хранителя, – объяснил капитан.

Лэнгдон заглянул внутрь сквозь недлинную прихожую. Шикарная обстановка: дерево теплых оттенков и картины старых мастеров. В помещении суеилось несколько полицейских. Они разговаривали по телефону и делали пометки в блокнотах. Один сидел за огромным антикварным столом Соньера и что-то печатал на ноутбуке. Кабинет хранителя на этот вечер явно превратился в полицейский командный пункт.

– Messieurs, – обратился к ним Фаш, и полицейские повернулись в его сторону. – Ne nous dérangez pas sous aucun prétexte. Entendu?⁴

Лэнгдону часто случалось вешать на двери номеров в гостиницах табличку со словами NE PAS DERANGER, чтобы уяснить суть приказа капитана. Их с Фашем ни в коем случае не должны тревожить.

В комнате все закивали в знак того, что инструкция им понятна.

Оставив группу агентов заниматься делами, Фаш повел Лэнгдона дальше по темному коридору. Впереди через тридцать ярдов открывался проход в самую известную часть Лувра – Большую галерею, – на вид бесконечный коридор, где были собраны наиболее ценные работы итальянских мастеров. Лэнгдон уже знал, что именно там лежало тело Соньера. Знаменитый паркет Большой галереи на фотографии невозможно было не узнать.

⁴ Месье, не беспокоить ни по какому поводу. Ясно? (фр.)

Когда они приблизились, стало видно, что проем перегородивает стальная решетка, напоминающая те, какими в средневековых замках защищались от грабительских набегов.

– Система безопасности по принципу удержания преступника, – пояснил капитан.

Лэнгдон взгляделся сквозь прутья в тускло освещенное пространство Большой галереи.

– После вас, мистер Лэнгдон, – сказал Фаш, указывая на решетку, приподнятую фута на два от пола. – Подлезайте.

Лэнгдон посмотрел на щель у ног, перевел взгляд на массивную решетку, и в голове у него возник образ готового рухнуть на непрошеного гостя ножа гильотины. *Он что, смеется?*

Фаш что-то проворчал по-французски и посмотрел на часы. Затем опустился на колени и протаскил свое грузное тело в неширокий лаз. Поднялся на ноги с другой стороны решетки и сквозь прутья взглянул на Лэнгдона.

Тот вздохнул. Оперся ладонями о полированный паркет, лег на живот и пополз вперед. Но под решеткой зацепился воротом твидового пиджака за низ преграды и ударился о железо затылком.

Полегче, Роберт, подумал он. Еще немного побарахтался на полу, наконец прополз и встал с другой стороны. В голове промелькнула мысль: ночь предстоит длинная.

Глава 5

Штаб-квартира и конференц-центр организации «Опус Деи» расположены в Нью-Йорке на Лексингтон-авеню в доме номер 243. Стотридцатитрехфутовая башня включает более сотни спален, шесть столовых, библиотеки, гостиные, помещения для деловых встреч и офисы. Семнадцатый этаж полностью жилой. Мужчины попадают в здание через главный вход на Лексингтон-авеню, а постоянно отделенные от них женщины пользуются дверью на боковой улице.

На закате епископ Мануэль Арингароса сложил в покоях своего пентхауса небольшую дорожную сумку и облачился в традиционную черную сутану. На его пальце красовался перстень – четырнадцатикаратное золото, фиолетовый аметист и крупные бриллианты. На металлической накладке искусной работы символы епископской власти – митра и посох.

Вот уже на протяжении десяти лет Арингароса насаждал в мире светоч «Дела Божьего» – буквальный перевод названия «Опус Деи». Организация была основана в 1928 году испанским священником Хосемарией Эскривой и призывала, как говорилось в его книге «Путь», к возврату к строгим католическим ценностям. Книгу перевели на сорок два языка, она вышла тиражом более четырех миллионов экземпляров, а организация превратилась в мировую силу с общежитиями, учебными центрами и даже университетами почти в каждом крупном городе земли. Глава католической церкви и кардиналы в Ватикане одобрили и благословили новую структуру.

Однако могущество и финансовое благополучие «Опус Деи» означали, что прелатура притягивала к себе всякого рода подозрения.

– Многие считают, что «Опус Деи» не что иное, как культ для промывки мозгов. Другие окрестили вас ультраконсервативным крылом христианства. Так первое или второе? – часто требовательно вопрошали журналисты.

– Ни то ни другое, – терпеливо разъяснял епископ. – Мы объединение верующих, решивших строго, как только возможно в повседневной жизни, следовать учению католицизма. Тысячи членов «Опус Деи» имеют семьи и вершат Божье дело в том окружении, в котором живут. Другие предпочитают уединиться в наших центрах. Это их личный выбор, но всех нас объединяет стремление сделать мир лучше. Это, несомненно, прекрасная цель.

Его доводы действовали редко. Средства массовой информации обожают скандалы, а в «Опус Деи», как в любом большом объединении, встречаются заблудшие души, бросающие тень на всю организацию. С некоторых пор репортерши стали употреблять по отношению к «Опус Деи» выражения «божья мафия» и «культ Христа».

Мы боимся того, что нам непонятно, думал епископ Арингароса.

Как бы то ни было, пять месяцев назад калейдоскоп власти испытал сильный удар. И епископ до сих пор не мог отойти от потрясения.

И вот теперь, сидя в самолете, выполняющем коммерческий рейс в Рим, он смотрел в иллюминатор на темный Атлантический океан. Солнце село, но Арингароса понимал, что его собственная звезда снова восходит. *Сегодня битва будет выиграна,* думал он и удивлялся, каким беспомощным ощущал себя всего несколько месяцев назад. *Они ничего не смыслят в войне, которую сами развязали.* На мгновение он сосредоточил взгляд на своем отражении в стекле иллюминатора. На фоне темноты мерцало необычно смуглое продолговатое лицо, большую часть которого занимал плоский крючковатый нос, расквашенный кулаком в Испании, куда его в молодости послали с пастырской миссией. Теперь физический изъян словно бы не замечался. Арингароса жил в мире духа, а не плоти.

Когда они пролетали над Португалией, в кармане его сутаны завибрировал мобильный телефон. Епископ понимал: на этот звонок нельзя не ответить. Номер знал всего один человек – тот, который прислал ему аппарат. Взволнованный до глубины души, он произнес:

– Да?

– Сайлас узнал местонахождение краеугольного камня, – сообщил звонивший. – Он в Париже. В церкви Сен-Сюльпис.

Епископ Арингароса улыбнулся.

– В таком случае мы близки к цели.

– Мы можем завладеть им немедленно. Но требуется ваше влияние.

– Разумеется. Говорите, что я должен сделать.

В пяти тысячах миль альбинос Сайлас стоял над тазиком с водой и, совершая один из своих личных ритуалов, омывал себе спину и молился словами псалма: *Окропи меня иссопом, и чищуся; омой меня, и паче снега убелюся.*

Все последнее десятилетие Сайлас, следуя наставлениям «Пути», очищал себя от грехов и, перестраивая жизнь, стирал насилие прошлого. *Миссия Христова – это мир и любовь.* Так его учили с самого начала, и эту мысль он берег в своем сердце. Враги же Христа тщатся все это разрушить.

Тот, кто грозит Господу силой, будет силой уничтожен, бормотал он.

В эту ночь Сайлас был призван на битву.

Глава 6

Протиснувшись под решеткой системы безопасности, Роберт Лэнгдон оказался в начале Большой галереи – главном вместилище знаменитых работ итальянских мастеров. С каждой стороны на высоту тридцати футов поднимались могучие стены и растворялись в темноте потолка. Красноватое сияние служебной подсветки сочилось от пола, создавая необычное мерцание на потрясающем собрании натюрмортов и религиозных сцен кисти да Винчи и других великих художников.

Лэнгдон скользнул взглядом по диагонально расположенным паркетным планкам – некоторые считают пол галереи самым удивительным экспонатом этой части музея – и обнаружил лежащий в нескольких ярдах слева от него огороженный полицейскими лентами предмет.

– Это *Караваджо*? – обернулся он к Фашу.

Капитан не глядя кивнул.

Картина, по оценке Лэнгдона, стоила больше двух миллионов долларов, однако валялась, словно сорванный со стены никому не нужный плакат.

– Какого черта она на полу?

– Это место преступления, мистер Лэнгдон, – сердито отозвался капитан. – Нельзя ни к чему прикасаться. Картину сдернул со стены хранитель и таким образом привел в действие систему безопасности. Мы считаем, что на него напали в его кабинете, он выскочил в Большую галерею, стянул полотно на пол, и в то же мгновение опустилась решетка, отсекая помещение от других.

– То есть хранитель поймал злодея в Большой галерее? – не понял Лэнгдон.

Фаш покачал головой.

– Заслон системы безопасности не позволил тому подобраться к Соньеру – преступник остался с внешней стороны и выстрелил в хранителя сквозь прутья. – Полицейский показал на зацепившийся за решетку, под которой они только что пролезли, красный обрывок ткани. – Когда Соньер умирал, он был здесь один.

Лэнгдон взгляделся в раскинувшуюся перед ним огромную галерею.

– В таком случае где же тело?

Фаш поправил зажим на галстук в виде распятия и пошел вперед.

– Вам, вероятно, известно, что Большая галерея имеет немалую протяженность.

Точная длина, если Лэнгдон правильно помнил, составляла полторы тысячи футов. Следуя за капитаном, он испытывал почти неловкость от того, что проходит мимо стольких мировых шедевров, даже не замедлив шага, чтобы взглянуть на них. Труп хранителя все еще не было видно.

– Жак Соньер сумел так далеко уйти?

– Пуля попала месье Соньеру в желудок. Он страдал от жестокой боли, но умер не сразу – через пятнадцать или двадцать минут. Судя по всему, он был человеком сильной воли.

– Охране, чтобы прибыть на место, потребовалось *пятнадцать* минут? – ужаснулся Лэнгдон.

– Разумеется, нет. Служба охраны Лувра отреагировала немедленно по сигналу тревоги, но нашла Большую галерею отрезанной от других помещений. Сквозь решетку было слышно, как кто-то двигается в дальнем конце, но стоящие у преграды не видели, кто это. Охранники действовали согласно инструкции и вызвали нас. Мы приехали в течение пятнадцати минут, подняли решетку, чтобы под ней можно было пролезть, и я отправил в галерею дюжину вооруженных людей. Они прочесали коридор, разыскивая нарушителя, но не нашли никого, кроме... него. – Фаш указал куда-то вперед.

Лэнгдон проследил взглядом за его рукой. В тридцати ярдах от них на пол светил единственный укрепленный на переносном штативе фонарь, создавая в темной галерее яркий островок света. В центре светового пятна, словно насекомое под микроскопом, лежал мертвый хранитель.

Когда они приблизились к труп, Лэнгдона пробил озноб. Взгляду открылась самая странная картина из всех, что ему доводилось видеть. Обнаженное тело Жака Соньера располагалось на паркете именно так, как запечатлел снимок, – точно вдоль оси галереи, руки и ноги раскинуты в стороны, одежда аккуратно сложена рядом. Кровавое пятно чуть ниже грудины обозначало место, куда вошла пуля. Крови вытекло на удивление мало – осталась лишь маленькая почерневшая лужица.

Левый указательный палец Соньера был тоже в крови. Он явно макал его в рану и пользовался кровью как чернилами, а обнаженным животом как холстом, нарисовав на коже простой символ: пять прямых линий, пересекаясь, образовывали пятиконечную звезду.

Пентакль.

Лэнгдону стало еще больше не по себе.

Он сам сотворил с собою такое.

– Мистер Лэнгдон? – Взгляд темных глаз Фаша снова остановился на нем.

– Пентакль. – Голос Лэнгдона глухо отозвался в огромном пространстве. – Один из древнейших в мире символов. Был в ходу более чем за четыре тысячи лет до Христа.

– И что он означает?

Лэнгдон всегда колебался, когда ему задавали этот вопрос. Объяснять человеку, что значит тот или иной символ, все равно что утверждать, какие именно чувства должна вызывать в нем та или иная песня.

– Символы в разных обстоятельствах несут в себе разный смысл, – ответил он. – Пентакль – изначально языческий религиозный символ.

– Поклонение дьяволу, – кивнул Фаш.

– Нет, – тут же поправился Лэнгдон, сообразив, что неверно подобрал слова. В наше время определение «языческий» стало почти синонимом понятия «поклонение дьяволу», что совершенно неправильно. Корень слова восходит к латинскому *paganus*, то есть селяне. – Язычники – буквально жители деревень, которые придерживались традиционных религиозных взглядов и поклонялись природе. Древние считали, что мир состоит из двух половин: мужской и женской. Инь и ян, как описывают на Востоке. Когда мужское и женское начало приходит в равновесие, в мире царит гармония. Когда баланс нарушается, наступает хаос. – Он показал на живот убитого. – Пентакль – символ женского начала всего сущего, того, что историки называют «священной женственностью» или «священной богиней». Кто-кто, а Соньер не мог этого не знать.

– Значит, Соньер нарисовал на собственном животе символ богини?

Лэнгдон не мог не признать, что это на самом деле странно.

– Пентакль символизирует Венеру – богиню женской плотской любви и красоты.

Капитан окинул взглядом обнаженного мужчину и что-то проворчал.

– В основе древних религий лежал принцип божественного порядка Природы. Богиня Венера и планета Венера являли собой одно и то же, какое бы имя ни носили.

У Фаша сделался озабоченный вид, словно мысль о поклонении дьяволу была ему больше по душе.

– Мистер Лэнгдон, – начал он, – пентакль просто обязан указывать также на дьявола. Об этом недвусмысленно свидетельствуют ваши американские фильмы ужасов.

Лэнгдон нахмурился. *Спасибо тебе, Голливуд!* В фильмах о сатанистах пятиконечная звезда превратилась в избитый штамп. Его всегда расстраивало, когда символ преподносили в этом качестве.

– Уверяю вас, несмотря на то что вам показывают в кино, неправильно связывать пентакль с дьяволом. За тысячелетие символика этого знака была извращена, утерев свой истинный смысл. Через то же кровопролитие, как в данном случае.

– Боюсь, я не совсем вас понимаю.

Лэнгдон взглянул на зажим капитана в виде распятия, не зная, как сформулировать свою мысль.

– Я говорю о Церкви, месье. Символы, как правило, устойчивы и способны к сопротивлению, но пентакль был изменен в эпоху ранней римской католической церкви. Это было частью кампании по искоренению языческих верований и обращению масс в христианство. Церковь начала борьбу против языческих богов и богинь, объявляя их символы злом.

– Продолжайте.

– Распространенное явление в эпоху потрясений. Нарождающаяся власть перехватывает существующие символы и со временем изменяет их смысл. В битве между языческими и христианскими символами язычество потерпело поражение. Трезубец Посейдона превратился в вилы черта, остроконечный колпак мудреца стали отождествлять с ведьмой, а пентакль Венеры сделался символом дьявола.

– Интересно. – Фаш кивнул в сторону распростертого на полу трупа. – А положение тела. Оно вам о чем-нибудь говорит?

Лэнгдон пожал плечами.

– Повторить символ – простейший способ подчеркнуть его значение. Как видим, Жак Соньер постарался принять позу в виде пятиконечной звезды.

Капитан обвел взглядом пять точек – руки, ноги и голову убитого – и снова провел ладонью по гладким волосам.

– А нагота? – спросил он. Казалось, полицейского отталкивал вид обнаженного немолодого мужского тела. – С какой стати он разделся?

Интересный вопрос, подумал Лэнгдон. С тех пор как ему показали фотографию, он занимал его самого.

– Мистер Фаш, я, безусловно, не могу объяснить, почему Жак Соньер решил изобразить собой этот символ или лег на полу таким образом, но не сомневаюсь, что человек его образования знал, что пятиконечная звезда является символом женственности.

– А использование собственной крови в качестве чернил?

– С этим все ясно: у него просто не было другого средства что-то написать.

Фаш, помолчав, наконец произнес:

– А я не сомневаюсь, что кровь – сигнал полиции провести криминалистическую экспертизу. Обратите внимание на его левую руку.

Лэнгдон нерешительно обошел труп, опустился на корточки и с удивлением увидел в левой руке хранителя большой фломастер.

– Он был у него, когда мы его нашли. – Фаш отошел на несколько шагов к переносному столику и стал перебирать наваленные на него инструменты для полицейской экспертизы: провода и какие-то электронные приспособления. – Как я уже говорил, мы ни к чему не прикасались на месте преступления. Вам знаком этот тип фломастера?

Лэнгдон наклонился еще ниже и прочитал надпись:

STYLO DE LUMIÈRE NOIRE.

Он удивленно поднял взгляд. Ручка так называемого ультрафиолетового спектра или особый вид фломастера, изобретенного для музеев, реставраторов и полиции, если требуется что-то незаметно пометить. Ручка пишет некорродирующими флуоресцентными чернилами на спиртовой основе, которые видны только под лучом ультрафиолетового света. Музейные

работники пользуются такими во время профилактических осмотров, чтобы делать пометки на рамах нуждающихся в реставрации полотен.

Лэнгдон распрямился, а Фаш тем временем выключил свет, неожиданно погрузив галерею в темноту. И вскоре вернулся, неся портативный фонарь.

– Как вам, должно быть, известно, – его глаза блеснули в окружающем пурпурно-фиолетовом мареве, – полиция пользуется ультрафиолетовым освещением, чтобы обнаруживать на месте преступления следы крови и другие улики. Поэтому можете представить наше удивление... – Он неожиданно направил круг света на труп.

Лэнгдон взглянул и, потрясенный, отшатнулся.

Рядом с трупом, накорябанные люминесцентными буквами, мерцали последние слова хранителя. Вглядевшись в поблескивающий текст, Лэнгдон почувствовал, что окутывающий эту ночь туман еще сильнее сгущается. Он перечитал послание и поднял взгляд на Фаша.

– Что, черт возьми, это значит?

Тот в ответ сверкнул на него глазами.

– Это именно тот вопрос, месье, на который вас пригласили дать ответ.

Глава 7

На втором этаже слева от хоров в церкви Сен-Сюльпис было оборудовано скромное жилище. В нем более десяти лет назад вполне комфортно устроилась теперь уже шестидесятилетняя монахиня сестра Сандрин Биель.

Ей поручили присматривать за всем, что не касалось церковных служб: за содержанием здания, подбором работников и экскурсоводов, охраной территории в часы, когда храм был закрыт, приобретением церковного вина и облаток.

Сестра Сандрин лежала в своей маленькой кровати, когда ее разбудила резкая трель телефонного звонка. Она устало подняла трубку.

– Soeur Sandrine. Eglise Saint-Sulpice.

– Здравствуйте, сестра. – Голос был мужским.

Монахиня села. *Сколько же сейчас времени?* Она узнала голос патрона, но за пятнадцать лет не было случая, чтобы он тревожил ее ночью. Аббат был человеком глубоко благочестивым и сразу после службы шел домой и ложился спать.

– Прошу прощения, если разбудил вас, сестра. – Он говорил как-то нетвердо и нервно. – У меня к вам просьба. Со мной только что связался влиятельный американский епископ. Возможно, вы о нем слышали – Мануэль Арингароса.

– Глава «Опус Деи»? Конечно, слышала. – *Среди воцерковленных людей нет таких, кто бы не слышал о Мануэле Арингаросе.*

Мысли об «Опус Деи» были ей неприятны. Взгляды членов этой организации на женщин могли считаться в лучшем случае средневековыми. Сестра Сандрин была поражена, узнав, что женщин заставляют без всякого вознаграждения убирать мужскую половину, пока те находятся на церковной службе. Женщины спят на голых досках, в то время как мужчинам полагаются соломенные матрасы. И все это в качестве искупления за первородный грех. Ей также было известно, что в последние годы влияние «Опус Деи» значительно выросло. Это произошло после того, как некая богатая секта перевела Ватиканскому институту религиозных дел, в обиходе называемому Банком Ватикана, почти миллиард долларов.

– Епископ Арингароса позвонил, чтобы попросить об одолжении, – так же нервно продолжал аббат. – Сегодня ночью в Париже находится один из его подопечных. Он всю жизнь мечтал осмотреть церковь Сен-Сюльпис.

– Именно ночью? Церковь гораздо интереснее днем.

– Я с вами согласен, сестра, но буду считать это личной услугой, если вы пустите его ночью. Он будет у вас... скажем, в час. То есть через двадцать минут.

Сестра Сандрин нахмурилась.

– Разумеется. С удовольствием.

Аббат поблагодарил и положил трубку.

Монахиня свесила ноги с кровати, медленно поднялась и, ощутив голыми ступнями холод каменного пола, зябко поежилась. Озноб охватил все тело, кольнуло мрачное предчувствие.

Женская интуиция?

Глубоко набожная, сестра Сандрин привыкла обретать покой, прислушиваясь к умиротворяющим голосам собственной души. Но сегодня эти голоса молчали, как и пустой храм, в котором она находилась.

Глава 8

Лэнгдон не мог оторвать глаз от багровеющих на паркетном полу слов. То, что там было написано, никак не походило на прощальное послание Жака Соньера.

Текст был такой:

13–3–2–21–1–1–8–5

Ордена вод личина!

И нам – зола!

Хотя Лэнгдон понятия не имел, что это значило, он согласился с предположением Фаша, что надпись имеет какое-то отношение к культу дьявола.

И нам – зола!

Соньер оставил прямую отсылку к темным силам с их магической энергией. Так же странно выглядела последовательность цифр.

– Часть из них кажется цифровым шифром.

– Согласен, – кивнул Фаш. – Наши криптографы уже занимаются этой головоломкой. Мы полагаем, что цифры – ключ к тому, кто убил хранителя. Возможно, телефонный узел или какого-либо рода личная идентификация. Вам такая последовательность цифр что-нибудь говорит?

Лэнгдон снова посмотрел на череду цифр. На первый взгляд их взяли с потолка. Если цифры составляют часть системы символов, в них обычно замечен некий смысл, например, они являются математической прогрессией или определенной комбинацией, то есть каким-то образом связаны друг с другом.

– До этого вы говорили, – продолжал капитан, – что все усилия Соньера были направлены на то, чтобы оставить некое сообщение... намек на почитание богини или что-то в этом роде. Как это согласуется с тем, что мы видим сейчас? – Он помолчал. – Эти слова больше похожи на обвинение. Вы согласны?

Лэнгдон попытался представить себе последние минуты хранителя: запертый в Большой галерее, он прекрасно понимал, что скоро умрет. Предположение капитана было логичным.

– Обвинение убийце? В этом есть смысл.

– Моя работа заключается в том, чтобы назвать этого человека по имени. Задам вам, мистер Лэнгдон, такой вопрос: что, на ваш взгляд, помимо цифр, кажется в этом сообщении наиболее странным?

Наиболее странным? Человек баррикадируется в музейной галерее, снимает с себя одежду, рисует на себе пятиконечную звезду и пишет на полу таинственное обвинение. Разве все это не странно от начала до конца?

– Соньер француз, проживал в Париже, – продолжал Фаш. – Но тем не менее решил написать сообщение...

– По-английски, – закончил за него Лэнгдон, начиная догадываться, куда клонит капитан. Фаш кивнул.

– *Précisément*⁵. Есть какие-нибудь соображения почему?

Лэнгдон знал, что хранитель превосходно говорил по-английски, но понятия не имел, почему он выбрал этот язык, чтобы написать предсмертные слова. Он пожал плечами.

Фаш показал на пятиконечную звезду на животе Соньера.

– Вы все еще уверены, что это не имеет отношения к культу поклонения дьяволу?

Лэнгдон больше вообще ни в чем не был уверен.

⁵ Именно (*фр.*).

– Символика и текст не совпадают. Прошу прощения, больше ничем не могу вам помочь.

– Возможно, поможет вот это? – Капитан отступил на шаг от трупа и поднял инфракрасный фонарь, чтобы луч охватил больший угол. – А теперь?

К удивлению Лэнгдона, вокруг тела хранителя мерцал неровный круг. Соньер, видимо, лег, а затем нарисовал фломастером несколько дуг и таким образом вписал себя в окружность.

– «Витрувианский человек»! – выдохнул Лэнгдон.

«Витрувианский человек» да Винчи превратился в икону современной культуры: его изображение печатают по всему миру на плакатах, на ковриках для компьютерных мышей, на футболках. На картине выведен идеальный круг, в который вписан обнаженный мужчина с распростертыми в стороны руками и ногами.

Да Винчи. От изумления Лэнгдон почувствовал озноб. Намерения хранителя были ясны как день. В последние минуты жизни Соньер снял с себя одежду и собственным телом изобразил самый знаменитый рисунок Леонардо да Винчи. И именно круг являлся тем самым недостающим важным элементом. Но оставался вопрос: зачем Соньеру понадобилось воспроизводить этот рисунок?

– Мистер Лэнгдон, – снова начал капитан, – человек с вашим образованием не может не знать, что Леонардо да Винчи тяготел к черной магии.

Лэнгдона удивило, что полицейский знаком с творчеством великого мастера, но это объясняло его подозрения по поводу культа дьявола. Да Винчи всегда был противоречивым объектом изучения для историков, особенно христианского толка. Гениальный художник, он был гомосексуалистом, вскрывал трупы, чтобы изучить анатомию человека, вел таинственные записи неразборчивым почерком, да еще в зеркальном отражении, верил, что с помощью алхимии сможет превратить свинец в золото и даже надуть Бога, создав эликсир, который отсрочит смерть.

Непонимание порождает недоверие, подумал Лэнгдон.

– Меня не удивляет ваша озабоченность, – сказал он. – Но должен вас разочаровать: Леонардо да Винчи не практиковал черную магию. Он был исключительно духовным человеком, хотя его верования противопоставили его Церкви. – Лэнгдон тщательно взвешивал слова. – Взгляды Соньера во многом совпадали со взглядами да Винчи, включая их общее разочарование тем, что Церковь демонизирует идею богини.

Взгляд полицейского стал суровым.

– Вы хотите сказать, что слова Соньера «личина» и «нам – зола» относятся к Церкви?

Лэнгдон не мог не признать, что такое предположение притяннуто за уши.

– Я только имел в виду, что Соньер посвятил свою жизнь изучению истории богини. И никто не сделал большего, чем Католическая церковь, чтобы эту историю стереть. Поэтому логично предположить, что в прощальном слове он выразил свое недовольство этим.

– Недовольство? – Теперь голос Фаша звучал враждебно. – По-моему, в его словах злость, а не недовольство. Не согласны? – Полицейский говорил сквозь зубы. – Моя работа, мистер Лэнгдон, такова, что мне довелось повидать множество смертей. Если человек убивает другого человека, ни за что не поверю, что жертва перед смертью станет делиться туманными духовными соображениями, которые никто не в состоянии понять. Мне думается, у попавшего в беду человека на уме только одно. – Шепот полицейского буквально резал воздух. – *La vengeance*⁶. Не сомневаюсь, Соньер в своем послании зашифровал имя убийцы.

Лэнгдон пристально посмотрел на него.

– В этом вообще нет ни малейшего смысла.

– Разве?

⁶ Месть (*фр.*).

– Конечно, – устало огрызнулся Лэнгдон, вконец расстроенный. – Вы сказали, что на Соньера напал тот, кого он, судя по всему, пригласил сам.

– Так.

– Значит, логично заключить, что хранитель знал имя убийцы.

Фаш кивнул.

– Продолжайте.

– Если Соньер знал имя того, кто его убил, к чему эти хитросплетения? – Он показал на пол. – Цифровой шифр? Все эти личины и намеки на нашу брэнность? Пятиконечные звезды на животе? Слишком запутано. Нет, если бы Соньер хотел сообщить имя убийцы, достаточно было его просто написать.

Когда Лэнгдон произносил эти слова, губы капитана тронула самодовольная улыбка. Впервые за время их беседы.

– Вот именно, – проговорил он.

Недалеко от этого места, в кабинете Соньера, лейтенант Колле склонился над необъятным столом хранителя. Если бы не жуткая, похожая на робота фигурка средневекового рыцаря, который, казалось, смотрел на него с угла столешницы, он бы чувствовал себя здесь вполне комфортно. Лейтенант поправил наушники и проверил уровень входящего сигнала записи на жесткий диск. Все прекрасно работало. Звуковое воспроизведение разговора в Большой галерее было кристально чистым.

Повернувшись к ноутбуку, он оценил действие системы глобальной навигации. Изображение на экране воспроизводило детальный план этажа с галереей, где лежало тело хранителя.

В глубине галереи мигала маленькая красная точка.

La marque⁷.

Фаш сегодня ночью держит жертву на коротком поводке. Вполне разумно. Этот Роберт Лэнгдон тот еще наглец.

⁷ Отметка (фр.).

Глава 9

Чтобы гарантировать, что их разговору с Лэнгдоном не помешают, Безу Фаш выключил свой мобильный телефон. К несчастью, это была дорогая модель, дополнительно оборудованная рацией с двусторонней связью. И сейчас, помимо воли владельца, его вызвал по радиока-налу один из подчиненных.

– Capitaine? – В телефоне слышалось потрескивание. Фаш от ярости стиснул зубы и бро-сил на Лэнгдона извиняющийся взгляд.

– Прошу прощения. Одну минуту. – Он нажал кнопку ответа на радиовызов. – Oui?

– Capitaine, un agent du Département de Cryptographie est arrivé.⁸

Гнев Фаша моментально угас. *Прибыл криптограф*. Возможно, привез хорошие новости. Сразу после того, как было обнаружено тело Соньера, капитан отправил снимки места пре-ступления по электронной почте в отдел криптографии, надеясь, ему разъяснят, что же хотел донести до них хранитель. Если прибыл дешифровщик, значит, надпись истолкована.

– В данный момент я занят. – В его тоне ясно слышалось недовольство тем, что его побес-покоили. – Попросите криптографа подождать на командном пункте. Я поговорю с ним, как только освобожусь.

– С ней, – поправил его голос в трубке. – Прибыла агент Невё.

Ситуация внушала Фашу все меньше надежд. Тридцатидвухлетнюю Софи Невё навязали ему два года назад в рамках министерской инициативы по увеличению числа женщин в поли-ции.

– Агент Невё настаивает на немедленном разговоре с вами, капитан, – сообщил по рации подчиненный. – Я пытался ее остановить, но она уже на пути в галерею.

– Чудовищно! – взорвался Фаш. – Я же дал ясно понять...

– Excusez-moi, messieurs.⁹

За спиной Фаша раздался женский голос. Он обернулся и увидел, что к ним приближа-ется молодая дама. Ее густые рыжевато-каштановые волосы свободно ниспадали на плечи. На ней был кремовый свитер до колен и черные леггинсы.

К удивлению Лэнгдона, женщина направилась прямо к нему и протянула руку.

– Месье Лэнгдон, я агент Софи Невё из криптологического отдела. – В ее английском слышались мягкие французские нотки. – Рада с вами познакомиться.

Лэнгдон почувствовал в своей руке ее ладонь, а на себе – ее твердый взгляд. У нее были оливковые, ясные, пронизательные глаза.

– Капитан, – она стремительно повернулась к Безу Фашу, – простите, что прервала, но...

– Ce n'est pas le moment!¹⁰ – огрызнулся тот.

– Я пыталась до вас дозвониться. – Софи, из уважения к Лэнгдону, продолжала говорить по-английски. – Я расшифровала цифровой код.

Роберт почувствовал, как у него от волнения учащенно забилося сердце. Она взломала код?

– Но прежде чем я все объясню, у меня есть срочное сообщение для мистера Лэнгдона.

– Для мистера Лэнгдона? – Фаш озабоченно посмотрел на нее.

Софи кивнула и повернулась к Лэнгдону.

– Вам необходимо связаться с вашим посольством. Вам что-то передали из Штатов.

⁸ Капитан, прибыл сотрудник криптологического отдела (*фр.*).

⁹ Прошу прощения, месье (*фр.*).

¹⁰ Сейчас не подходящий момент (*фр.*).

Лэнгдон удивился – любопытство по поводу расшифрованного кода уступило место тревоге. *Что могли ему передать из Штатов?* Он попытался представить, кому понадобилось с ним связаться. Лишь немногие из его коллег знали, что он находится в Париже.

Капитан плотно сжал челюсти, а потом подозрительно спросил:

– Так его просили связаться с посольством США? Откуда вообще известно, что мистер Лэнгдон сейчас здесь?

Софи пожала плечами.

– Скорее всего, из посольства позвонили в отель, где он остановился, и консьерж объяснил, что его увезла судебная полиция. Когда в полиции стало известно, что я еду сюда, мне сказали, что для мистера Лэнгдона есть сообщение, и просили ему это передать.

Фаш смущенно нахмурился. Он уже открыл рот, собираясь что-то сказать, но Софи снова повернулась к Лэнгдону.

– Мистер Лэнгдон, – она достала из кармана клочок бумаги, – вот телефонный номер информационной службы вашего посольства. Вас просили позвонить как можно скорее. – Она отдала ему бумажку, сопроводив жест значительным взглядом. – Я буду обсуждать с капитаном Фашем шифр, а вы пока звоните.

Софи достала из кармана свитера мобильный телефон, но капитан, который был похож на вулкан, готовый вот-вот извергнуться, сердито махнул ей рукой и протянул Лэнгдону свой.

– Возьмите мой, это защищенный канал связи. – Он отвел криптолога на несколько шагов, понизил голос и начал что-то говорить.

Этот капитан все больше не нравился Лэнгдону. Он включил телефон и набрал номер, который дала ему Софи Невё – парижский, с добавочным.

Прозвучали гудки вызова.

Один... другой... третий...

Наконец щелкнуло соединение.

Лэнгдон ожидал, что ему ответит телефонист посольского коммутатора, но вместо этого услышал голос автоответчика. И как ни странно, голос на пленке показался ему знакомым: это был голос самой Софи! Он в недоумении поднял на нее взгляд.

– Прошу прощения, мисс Невё, вы, кажется, дали мне неверный номер...

– Нет, это именно тот номер. – По тому, как быстро Софи ответила, было совершенно ясно, что ее не удивляет смущение Лэнгдона. – В посольстве установлена автоматическая система информации. Нужно набрать добавочный номер, который служит доступом к вашему сообщению.

– Но... – начал было Лэнгдон.

– Трехзначный номер на той же бумажке, которую я вам дала. – Она обожгла Лэнгдона призывающим к молчанию взглядом. Он ясно говорил: *Не задавайте вопросов, делайте, что вам велят.*

Ничего не понимающий Лэнгдон набрал написанный на бумажке добавочный номер – 454. Автоответчик отреагировал немедленно, и электронный голос объявил на французском: «Для вас одно сообщение». Цифра оказалась кодом удаленного доступа к информационной системе Софи, которая включалась, когда хозяйки не было дома.

Мне что, принять сообщение, пришедшее этой женщине?

Информация начала прокручиваться, и снова послышался голос Софи.

– Мистер Лэнгдон, – начала она пугающим шепотом, – постарайтесь ничем себя не выдать. Спокойно слушайте, и все. Вы в опасности. Просто точно следуйте моим указаниям.

Глава 10

Сидя за рулем черной «ауди» – машину заказал для него Учитель – Сайлас рассматривал огромное здание церкви Сен-Сюльпис. Подсвеченные снизу батареями прожекторов, две колокольни возвышались подобно могучим стражникам. Ровные ряды контрфорсов, утонувшие в полумраке, напоминали ребра прекрасного зверя.

Язычники воспользовались домом Господним, чтобы спрятать краеугольный камень. Сайлас предвкушал, как найдет камень и отдаст его Учителю, и они обретут то, что было давным-давно похищено у истинно верующих.

Каким могущественным тогда станет «Опус Деи».

Припарковав «ауди», Сайлас глубоко вздохнул и, отбросив посторонние мысли, приказал мозгу сосредоточиться на выполнении предстоящего задания. Но воспоминания о жизни до «Опус Деи» не отпускали его.

От рождения его звали не Сайласом, но он уже не мог вспомнить, какое имя дали ему родители. Отчий дом он покинул в семь лет. Его отец, вечно пьяный грубый марсельский докер, винил жену в том, что сын растет таким уродом. Однажды он так сильно ее избил, что она больше не поднялась. Стоя над бездыханным телом матери, мальчик испытал невыносимое чувство вины.

Все из-за меня!

В него словно вселились демоны, подчинившие себе его тело. Мальчик пошел на кухню, взял то, что требовалось, затем вернулся в спальню, где на кровати в пьяном оцепенении лежал его отец. И не говоря ни слова, заставил его расплатиться за все дурное, что он сотворил.

Покончив с этим, он убежал из дома, но из-за своей необычной внешности остался изгоем среди других беспризорных на городских улицах. Он поселился в подвале заброшенной фабрики, питался фруктами и украденной в доках сырой рыбой. *Призрак*, перешептывались, глядя на него, люди. И их глаза округлялись от страха, когда они смотрели на его бледную кожу. *Призрак с глазами дьявола!*

Сайлас таким себя и чувствовал. Призраком... прозрачным, бегущим из порта в порт, пока в восемнадцать лет преступления не привели его в тюрьму в Андорре.

Он провел за решеткой двенадцать лет, и его душа и плоть настолько иссохли, что он больше не сомневался, что просвечивает насквозь.

Я призрак.

*Yo soy un espectro...*¹¹

Однажды ночью могучая сила встряхнула его каменную темницу, и призрак проснулся среди воплей сокамерников. Как только он вскочил на ноги, в то место, где он только что лежал, угодил огромный камень, оставив в содрогающейся стене дыру. В ее просвете виднелось то, что больше десяти лет не представало перед его глазами. Луна.

Подземные толчки продолжались, но призрак упорно полз по узкому тоннелю, наконец выбрался наружу и скатился вниз по голому склону горы. Обезумев от голода, он всю ночь бежал вдоль железной дороги и, наткнувшись на пустой грузовой вагон, забрался в него передохнуть. А когда проснулся, почувствовал, что поезд движется.

Проснулся же он оттого, что на него кто-то кричал и гнал из вагона. Обессиленный, он лег на обочине и впал в забытие.

¹¹ Я призрак... (исп.)

Свет разгорался медленно. Призрак не знал, сколько времени находился по ту сторону смерти. *День? Три дня?* Это не имело значения. Он лежал на мягкой постели, и в воздухе витал сладковатый аромат свечного воска. Рядом стоял Иисус и смотрел прямо на него.

Я с тобой, прошептал Иисус. Ты спасен, сын мой. Благословенны те, кто идут моим путем.

Призрак снова уснул.

Его выхватил из дремы чей-то болезненный крик. Шатаясь, он побрел по коридору на звук. А когда оказался на кухне, его глазам открылась картина: какой-то здоровенный тип избивает человека намного меньше себя. Призрак схватил верзилу и с размаху треснул о стену. Тот убежал, оставив призрака стоять над телом молодого мужчины в церковном облачении. Подняв раненого священника – у того был расквашен нос, – призрак отнес его на диван.

– Спасибо, друг мой, – поблагодарил его священник на плохом французском. – Церковные пожертвования манят воров. – Он улыбнулся. – Меня зовут Мануэль Арингароса. Я миссионер из Мадрида. Прислан сюда, на север Испании, построить церковь. Как тебя зовут, друг мой?

Призрак не смог вспомнить.

– Где я? – Его голос звучал глухо. – Как я сюда попал?

– Я нашел тебя у моего порога. Ты был очень болен. Я тебя кормил, заботился о тебе. Ты здесь уже много дней, – мягко объяснил молодой священник.

Призрак взгляделся в своего благодетеля. Давно никто не относился к нему с добротой.

– Спасибо, отец мой.

Священник коснулся своих разбитых губ.

– Это я должен тебя благодарить, друг мой.

Проснувшись наутро, призрак удивился, обнаружив на прикроватной тумбочке газетную вырезку. Статья на французском языке была недельной давности. Прочитав текст, призрак испугался. Газета рассказывала, что в горах произошло землетрясение, разрушившее тюрьму, откуда сбежало много опасных преступников.

Священнику известно, кто я такой. Он спрыгнул с кровати, готовый бежать без оглядки.

– Деяния святых апостолов. – В комнату вошел улыбающийся молодой священник. На его нос была неумело наложена повязка. В руках он держал Библию. – Нужная глава помечена.

Призрак неуверенно взял Священное писание.

Глава шестнадцатая.

В ней рассказывалось об узнике по имени Сайлас, который, обнаженный и забитый, лежал в камере и воспевал хвалу Господу. Когда призрак дошел до двадцать шестого стиха, у него от волнения перехватило дыхание.

Вдруг сделалось великое землетрясение, так что поколебалось основание темницы; тотчас отворились все двери, и у всех узлы ослабели.

Священник тепло улыбался.

– Отныне, мой друг, если у тебя нет иного имени, я буду звать тебя Сайласом.

Призрак беспомощно кивнул. *Сайлас.* Ему даровали плоть. *Меня зовут Сайласом.*

– Время завтракать, – продолжал священник. – Тебе нужно набираться сил, если хочешь помочь мне построить церковь.

В двадцати футах над Средиземным морем епископ Арингароса даже не заметил, что самолет попал в зону турбулентности. Его мысли были о будущем «Опус Деи». Ему очень хотелось позвонить Сайласу в Париж. Но это было невозможно.

– Ради вашей же безопасности, – объяснил Учитель, говоривший по-английски с французским акцентом. – Каналы связи не защищены. Если ваш разговор подслушают, это будет иметь для нас катастрофические последствия.

Арингароса понимал, что он прав. Учитель был исключительно осторожным человеком. Он даже не назвал Арингаросе своего настоящего имени. Тем не менее епископ признавал за ним право распоряжаться. Ведь именно Учитель каким-то образом добыл секретную информацию – *узнал фамилии четырех главных членов братства!*

– Епископ, – сказал Учитель, – я все подготовил. Чтобы наш план увенчался успехом, необходимо, чтобы в течение нескольких дней Сайлас отвечал только мне. И чтобы вы не разговаривали между собой. Это делается для того, чтобы сохранить вашу анонимность, анонимность Сайласа и... мой вклад в дело.

Двадцать миллионов евро, подумал Арингароса. *Жалкие гроши за нечто столь могущественное.* Он улыбнулся, что позволял себе очень редко. Всего пять месяцев назад он опасался за будущее веры. И вот теперь, словно по воле Божьей, решение нашлось само собой. Если сегодня ночью все пойдет, как было задумано, в руки Арингаросы попадет то, что сделает его самым влиятельным человеком в христианском мире.

Учитель и Сайлас не подведут.

Учитель действует ради денег. Сайлас во имя веры.

И деньги, и вера сильные стимулы, чтобы добиться успеха.

Глава 11

– Шутка? – Безу Фаш от ярости побагровел и, не в силах поверить тому, что услышал, обжег Софи Невё взглядом. – Забава с цифрами? Ваше профессиональное заключение таково, что код Соньера – не что иное, как математический розыгрыш?

– Этот код настолько примитивен, – объяснила Софи, – что Жак Соньер не мог не понимать, что мы раскусим его в одну секунду. – Она достала из кармана свитера клочок бумаги и протянула его капитану. – Вот расшифровка.

Фаш посмотрел на карточку.

1–1–2–3–5–8–13–21

– Ну и что? Все, что вы сделали, это переставили цифры в возрастающем порядке.

У Софи хватило выдержки удовлетворенно улыбнуться.

– Именно так.

Голос Фаша стал больше похож на гортанный рык.

– Агент Невё! Понятия не имею, что у вас на уме, но очень советую поспешить объясниться. – Он бросил тревожный взгляд на Лэнгдона, который все еще выслушивал телефонное сообщение из посольства США. По тому, как Лэнгдон побледнел, капитан догадался, что новости оказались дурными.

– Капитан! – начала Софи угрожающе-дерзким тоном. – То, что у вас в руке, не что иное, как числа Фибоначчи – самая знаменитая в истории математическая последовательность. – Она кивнула на клочок бумаги. – Последовательность, в которой каждое число равняется сумме двух предыдущих.

Фаш скользнул взглядом по ряду цифр. Каждое число на самом деле представляло собой сумму двух предыдущих, но капитан не мог представить, каким образом это могло быть связано со смертью хранителя.

– Математик Леонардо Фибоначчи открыл эту последовательность в тринадцатом веке. Совпадения невозможны: все написанные Соньером на полу цифры принадлежат этому знаменитому ряду.

Фаш несколько мгновений не сводил взгляда с молодой женщины.

– Прекрасно. Но вы можете объяснить, зачем Жак Соньер это сделал? Что он хотел сказать? Что все это значит?

Софи пожала плечами.

– Абсолютно ничего. В этом вся суть. Просто шутка. Похоже, как если переставить слова известного стихотворения и наблюдать, догадается ли кто-нибудь, чем это было изначально.

Фаш грозно шагнул вперед, и его лицо оказалось всего в нескольких дюймах от лица Софи.

– Я все-таки надеюсь, что у вас есть более удовлетворительное объяснение, чем то, что вы только что дали.

Внезапно мягкие черты лица Софи ожесточились.

– Капитан, учитывая, как много поставлено на карту сегодняшней ночью, я надеюсь, вы оцените сведения, что Жак Соньер мог решить поиграть с вами в игры. Вы явно этого не оценили. Я сообщу начальнику криптографического отдела, что вы больше не нуждаетесь в наших услугах. – С этими словами она круто повернулась и пошла туда, откуда только что явилась.

Фаш потрясенно смотрел ей вслед, пока она не скрылась в темноте. *Она что, не в своем уме?* Капитан покосился на Лэнгдона, все еще державшего телефон у уха. Он показался ему еще более озабоченным, а когда нажал отбой, выглядел совершенно больным.

– У вас все в порядке? – спросил Фаш.

Лэнгдон слабо покачал головой.

Неприятности дома, догадался Фаш. Принимая обратно мобильник, он заметил, что его подозреваемый вспотел.

– Несчастный случай, – пробормотал Лэнгдон, как-то странно посмотрев на капитана. – Друг. – Он помедлил и продолжил: – Утром мне нужно первым рейсом лететь домой.

Фаш не сомневался, что его собеседник испытывает неподдельную скорбь, но в то же время ощутил, что в нем зародилось иное чувство – ему показалось, что в глубине глаз Лэнгдона поселился страх.

– Сочувствую, – проговорил он, пристально глядя на Лэнгдона. – Не хотите присесть? – Он указал на одну из скамей для посетителей галереи.

Лэнгдон рассеянно кивнул, сделал к ней несколько шагов, но вдруг остановился.

– Простите, мне надо в туалет.

Фаш, в душе досадуя, что зря теряет время, не мог ему отказать.

– В туалет? Конечно. Давайте на несколько минут прервемся. Это туда. – Он сделал жест в ту сторону длинного коридора, откуда они пришли. – Туалеты по пути к кабинету хранителя.

Лэнгдон, немного потоптавшись на месте, кивнул в другую сторону Большой галереи.

– Мне кажется, там туалет гораздо ближе.

Фашу пришлось согласиться. Треть длины Большой галереи отделяла их от тупика, в котором находилась пара туалетов.

– Вас проводить?

Лэнгдон, направляясь в глубь галереи, на ходу помотал головой.

– Не нужно. Знаете... я хочу несколько минут побыть один.

Капитан не испытал восторга от того, что Лэнгдон будет в одиночку бродить по Лувру. Но он знал, что у Большой галереи нет другого выхода, кроме лаза под решеткой, через который они пробрались сюда. У всех дверей на первом этаже дежурили полицейские. Лэнгдон без его ведома никак не мог покинуть здания.

– Мне нужно на минуту вернуться в кабинет Соньера, – сказал он. – Когда будете готовы, приходите туда. Нам надо еще очень многое обсудить.

Фаш повернулся и сердито зашагал по галерее, а Лэнгдон скрылся в темноте в другой стороне. Капитан пролез под решеткой и напустился на собравшихся в кабинете хранителя подчиненных.

– Кто позволил пускать в здание Софи Невё? – бушевал он.

Первым решился ответить лейтенант Колле.

– Она сказала дежурным на улице, что расшифровала код.

Фаш огляделся.

– Она ушла?

– Разве она не с вами?

– Значит, ушла. – Капитан посмотрел в темную глубину галереи.

На мгновение у него возникло желание связаться с дежурными внизу и приказать притащить Невё обратно, пока она не успела покинуть территорию Лувра. Но он передумал. Выбросил ее из головы и на секунду остановил взгляд на стоящем на столе Соньера миниатюрном рыцаре. Затем повернулся к Колле.

– Ты его контролируешь?

Лейтенант, коротко кивнув, развернул ноутбук экраном к начальнику. На фоне плана этажа, в помещении, обозначенном надписью «ОБЩЕСТВЕННЫЕ ТУАЛЕТЫ», отчетливо мигала красная точка.

– Хорошо, – бросил капитан, выходя в коридор. – Мне надо сделать звонок. Проследи, чтобы он не выбрался из здания.

Глава 12

Лэнгдон брел к концу Большой галереи словно в бреду. В голове он снова и снова прокручивал телефонное сообщение Софи.

Он нашел мужской туалет, вошел и включил свет. В помещении никого не было.

Лэнгдон подошел к раковине и, плеснув в лицо холодной воды, постарался встряхнуться. Резкий люминесцентный свет отражался в голом кафеле, сильно пахло дезинфекцией. Пока он вытирался, за спиной скрипнула дверь. Лэнгдон резко обернулся. На пороге стояла Софи Невё. В ее зеленых глазах светился страх.

– Слава Богу, вы пришли. У нас мало времени.

Стоя у раковины, Лэнгдон в замешательстве смотрел на полицейского криптографа. Несколько минут назад он слышал ее голос по телефону и чем дольше слушал, тем больше убеждался, что Софи Невё говорит совершенно серьезно и искренне. *Мистер Лэнгдон, постарайтесь ничем себя не выдать. Просто спокойно слушайте, и все. Вы в опасности. Просто точно следуйте моим указаниям...* Лэнгдон решил поступить именно так, как она ему советовала.

– Я хотела вас предупредить, мистер Лэнгдон. – Софи никак не могла отдышаться. – Что вы *sous surveillance cachée* – за вами установлено негласное наблюдение. – Ее голос отражался от кафельных стен, отчего казался особенно гулким.

– Но... с какой стати?

Софи уже все объяснила по телефону, но он хотел услышать ответ из ее уст.

– Потому что, – она сделала к нему шаг, – главный подозреваемый Фаша – это вы. Поищите в левом кармане пиджака, и вы найдете подтверждение тому, что за вами следят.

Лэнгдон почувствовал, как в нем растет беспокойство. *Поискать в левом кармане пиджака?* Это похоже на дешевый фокус.

– Посмотрите же.

В замешательстве он сунул руку в левый карман твидового пиджака – тот, которым никогда не пользовался, – сначала ничего не нашел, но затем наткнулся на что-то маленькое и твердое. Зажав предмет между пальцами, он вынул его и стал с удивлением рассматривать. Металлический диск в виде пуговицы размером с батарейку для наручных часов. Ничего подобного Лэнгдон раньше не видел.

– Что это такое?

– Маячок определения точки в глобальной системе навигации, – ответила Софи. – Беспеременно передает сигналы спутнику GPS. Определяет нахождение предмета с точностью до двух футов в любом месте земли. Вас прицепили на электронный поводок. Агент, приехавший за вами в отель, опустил маячок вам в карман еще до того, как вы вышли из номера.

Лэнгдон вспомнил, как он собирался: наскоро принял душ, оделся, а, когда они покидали гостиницу, любезный лейтенант подал ему твидовый пиджак.

Софи проницательно посмотрела на него.

– Фаша не может знать, что вы его обнаружили. – Она помолчала. – Вас поместили, потому что считают, что вы можете сбежать. Собственно говоря, они очень надеются, что вы попытаетесь скрыться. Это лишь подтвердит их подозрения.

– Зачем мне бежать? – удивился Лэнгдон. – Я ни в чем не виноват. – Он сердито повернулся к мусорной урне, собираясь выбросить маячок.

– Ни в коем случае! – Софи схватила его за руку. – Оставьте в кармане. Если вы его выбросите, сигнал станет неподвижным, и полицейские поймут, что вы обнаружили маячок. Если же Фашу станет понятно, что вам известны его намерения... – Она не договорила, взяла

с ладони Лэнгдона металлический диск и опустила его обратно ему в карман. – Пусть побудет у вас. По крайней мере, какое-то время.

Лэнгдон не мог поверить в то, что происходит.

– Как Фаш может думать, что Жака Соньера убил я?

Софи помрачнела.

– Есть улика, о которой вы еще не знаете. Помните три строки, которые хранитель написал на полу?

Лэнгдон кивнул. Цифры и слова словно впечатались в его мозг.

Софи понизила голос до шепота.

– Там была четвертая строка, которую Фаш сфотографировал и стер до вашего приезда.

Лэнгдон знал, что растворимые чернила на водной основе легко смываются, но почему Фашу понадобилось уничтожить улику?

– В четвертой строке послания, – объяснила Софи, – содержалось нечто такое, чего, по мнению Фаши, вам не следовало знать. Во всяком случае, до того, как он с вами не разделается. – Она достала из кармана свитера компьютерную распечатку фотографии и развернула лист. – Вот все четыре строки целиком. – Софи протянула лист Лэнгдону.

Тот в волнении посмотрел на распечатку. Последняя строка сразила его, словно удар под дых. Вот что хранитель написал на полу:

13-3-2-21-1-1-8-5

Ордена вод личина!

И нам – зола!

P. S. Найти Роберта Лэнгдона

Несколько секунд Лэнгдон в изумлении смотрел на распечатку. *P. S. Найти Роберта Лэнгдона.* Ему показалось, что пол уходит у него из-под ног. *Соньер оставил постскрипtum, в котором упомянул мое имя?* Ни в каких самых диких фантазиях он не мог представить зачем.

– Теперь понимаете, почему Фаш приказал привезти вас в Лувр и почему вы его главный подозреваемый? – В глазах Софи таилась тревога.

Единственное, что в тот момент стало ясно Лэнгдону, – почему так самодовольно улыбнулся капитан, когда он предположил, что Соньер, если бы захотел, мог бы прямо назвать имя своего убийцы.

Найти Роберта Лэнгдона.

– С какой стати Соньер написал эту фразу? – Лэнгдон почувствовал, что недоумение уступает место нарастающему гневу. – У меня не было причин его убивать.

– Фаш еще не нашел мотива, но он записывал ваш сегодняшний разговор, надеясь, что вы проговоритесь и выдадите себя. – Лэнгдон открыл было рот, но не нашел слов. – На нем миниатюрный микрофон, – продолжала Софи. – Он соединен с передатчиком в кармане, который посылает радиосигналы на командный пункт.

– Невероятно, – пробормотал Лэнгдон. – Но у меня есть алиби: прямо с лекции я отправился в отель. Справьтесь в администрации.

– Фаш уже это сделал. Ему доложили, что вы взяли у консьержа ключ от номера в половине одиннадцатого. К несчастью, время убийства – около одиннадцати. Вы могли легко выйти из отеля незамеченным.

– Бред! У Фаши нет против меня улик!

Софи приподняла брови, словно хотела сказать: *Как это нет улик?*

– Мистер Лэнгдон, ваша фамилия написана на полу возле трупа, а в дневнике хранителя сказано, что у вас с ним была назначена встреча примерно на то время, когда произошло убийство. – Она помолчала. – У Фаши более чем достаточно оснований задержать вас для допроса. – Девушка вздохнула. – Соньер был известной и уважаемой в Париже личностью. Утром сооб-

щение о его убийстве окажется в первых строках новостей. На Фаша станут давить, чтобы он скорее нашел преступника, и ему, чтобы сохранить лицо, лучше держать подозреваемого под замком. Вины вы или нет, полиция вас не отпустит до тех пор, пока не выяснит, что произошло на самом деле.

Лэнгдон почувствовал себя запертым в клетку зверем.

– Почему вы мне все это говорите?

– Потому, мистер Лэнгдон, что считаю вас невиновным. – Софи на мгновение отвернулась, затем снова посмотрела ему в глаза. – И еще: потому что вы попали в беду отчасти из-за меня.

– Простите, не понял. При чем тут вы, если Соньер пытался выставить меня преступником?

– Соньер отнюдь не пытался выставить вас преступником. Это ошибка. Его слова предназначаются мне.

Лэнгдону потребовалась целая минута, чтобы переварить услышанное.

– Повторите.

– Послание Соньера не для полиции. Он написал его для меня. Думаю, он действовал в такой спешке, что не сообразил, как эти строки воспримут полицейские. – Она дала собеседнику несколько секунд, чтобы оправиться от потрясения. – Цифровой код ничего не значит. Соньер привел его с одной целью: чтобы полицейские обратились к криптографам. В таком случае я бы сразу узнала, что с ним случилось.

Лэнгдон никак не мог проследить ход ее мысли.

– Но почему вы решили, что послание хранителя предназначается вам?

– Из-за «Витрувианского человека». Этот рисунок – моя любимая работа Леонардо да Винчи. Соньер воспользовался им, чтобы привлечь мое внимание.

– Постойте. Вы утверждаете, что хранитель знал, какое ваше любимое произведение искусства?

Софи кивнула.

– Простите, я выражаюсь непонятно. – Она запнулась. – Жак Соньер и я... мы рассорились десять лет назад. – Теперь она говорила почти шепотом. – С тех пор почти не общались. Когда сегодня в криптологический отдел сообщили, что он убит, и я увидела фотографии, я поняла, что это послание для меня.

– Из-за «Витрувианского человека»?

– Да. И букв P.S.

– Постскриптум?

Она покачала головой.

– П. С. – мои инициалы.

– Но вас зовут Софи Невё.

Она отвернулась.

– Это мое прозвище. Когда я жила с ним, он звал меня П. С. – Она покраснела. – Аббревиатура от Принцессы Софи. Понимаю, звучит глупо. Но это было давно, когда я была еще маленькой.

– Вы знали его, когда были маленькой девочкой?

– Очень даже хорошо. – Ее глаза потеплели. – Жак Соньер был моим дедом.

Глава 13

Время настало.

Вылезая из черного «ауди», Сайлас чувствовал себя сильным; ночной бриз развеивал его свободную сутану. В воздухе ощущались ветры перемен.

– *Nago la obra de Dios*, – шептал он, направляясь ко входу в храм. *Я творю работу Господню...* Он поднял мертвенно-бледную руку и трижды постучал в дверь.

Через несколько секунд засовы огромных деревянных створок пришли в движение, и на пороге церкви его приветствовала сестра Сандрин.

Она оказалась миниатюрной женщиной с тихим, спокойным взглядом, и Сайлас сразу понял, что ему ничего не будет стоить с ней справиться. Но он поклялся не применять силы без крайней необходимости. *Она слуга Божья, и не ее вина, что братство выбрало эту церковь, чтобы спрятать краеугольный камень. Ее не нужно наказывать за грехи других.*

– Вы американец? – спросила сестра Сандрин.

Она вела его через огромный неф, где было тихо, как в могиле; единственным намеком на жизнь служил сохранившийся после вечерней службы запах ладана.

– По рождению я француз, – ответил Сайлас. – Духовную жизнь обрел в Испании, а сейчас учусь в Соединенных Штатах.

Монахиня кивнула.

– И никогда не видели Сен-Сюльпис?

– Понимаю, что это само по себе почти грех.

– Днем церковь красивее.

– Не сомневаюсь. Но тем не менее благодарен, что вы разрешили осмотреть ее ночью.

– По просьбе аббата. У вас, судя по всему, очень влиятельные друзья.

Ты не представляешь, какие влиятельные, подумал Сайлас.

Следуя за монахиней по главному проходу, он удивлялся строгому аскетизму храма. Внутри было голо и пусто: своей простотой Сен-Сюльпис напоминала суровые церкви Испании. Стоя под парящим в высоте ребристым сводом, Сайлас представил, что находится в корпусе огромного перевернутого корабля.

Уместный образ, улыбнулся он. Корабль братства вот-вот опрокинется и утонет. Ему не терпелось приступить к делу, он ждал, когда сестра Сандрин оставит его одного.

– Мне неудобно, сестра, что вас разбудили из-за меня.

– Ничего страшного. Ведь вы в Париже проездом. Откуда хотите начать экскурсию?

Сайлас прищурился на алтарь.

– В экскурсии нет необходимости. Я сам осмотрю церковь.

– Мне нетрудно. Я вам все расскажу.

Сайлас остановился. Они дошли до первого ряда скамей, алтарь был от них всего в пятнадцати ярдах. Он повернулся к монахине всем своим массивным телом и почувствовал, как та сжалась, взглянув в его красные глаза.

– Боюсь показаться грубым, сестра, но не в моих правилах являться в дом Господень только на экскурсию. Прежде чем осмотреться, я хочу побыть наедине и помолиться. – Он положил на плечо монахини мягкую, но тяжелую руку и пригвоздил ее взглядом. – Радость молитвы ни с кем не делят.

– Как вам угодно. – Сестре Сандрин стало явно не по себе.

Сайлас убрал руку с ее плеча.

– Спи спокойно, сестра. Да пребудет с вами Господь.

– И с вами тоже.

Когда монахиня направилась к лестнице, он преклонил колени и почувствовал, как в ногу впился острый шип.

Боже, тебе посвящаю труд сегодняшнего дня...

Глава 14

Софи размышляла, сколько времени потребуется Фашу, чтобы выяснить, что Лувр она не покидала. Видя, насколько ошеломлен Лэнгдон, она стала сомневаться, правильно ли поступила, загнав его в угол.

Но что еще ей оставалось делать?

Было время, когда дед представлял для нее целый мир, и сегодня Софи удивилась, что почти не грустит по нему. Жак Соньер стал для нее чужим. Их отношения мгновенно рассыпались одним мартовским вечером, когда ей было двадцать два года.

Это случилось десять лет назад.

Она случайно подсмотрела, как дед занимался тем, что ей не полагалось видеть.

Если бы я не видела это своими собственными глазами...

Софи была настолько потрясена, что даже не стала выслушивать его жалкие объяснения. Она быстро собрала вещи, взяла сбережения и переехала в маленькую квартирку, которую снимала с приятельницами. Деду велела никогда ей не звонить. За прошедшие годы он послал ей множество открыток и писем, умоляя о встрече, – она накопила горы нераспечатанных конвертов, – но, к его чести, выполнил ее просьбу и ни разу не набрал номер ее телефона.

До сегодняшнего дня.

– Софи? – Голос деда на автоответчике звучал на удивление по-стариковски. – Я очень долго следовал твоим желаниям, и этот звонок дался мне нелегко. Но я должен с тобой поговорить. Случилось нечто ужасное.

Стоя на кухне парижской квартиры, Софи поежилась, как от озноба, после стольких лет услышав голос деда. На нее нахлынул поток воспоминаний.

– Софи, пожалуйста, выслушай меня. – Он говорил по-английски, как в ту пору, когда она была девочкой. *Совершенствуйся во французском в школе. Практикуйся в английском дома.* – Ты не можешь злиться бесконечно. Неужели еще не поняла? – Он помолчал. – Нам необходимо немедленно поговорить. Уступи хотя бы одному желанию своего деда. Позвони мне в Лувр. Немедленно. У меня ощущение, что мы с тобой в большой опасности.

Софи уставилась на автоответчик. *В опасности?* О чем это он?

– Принцесса... – Голос деда дрогнул, но Софи не могла сказать, какие его обуревают чувства. – Знаю, я скрывал от тебя правду, и это стоило мне твоей любви. Но теперь речь идет о твоей безопасности. Ты должна узнать правду. Пожалуйста. Я расскажу, что случилось с твоими родными.

Софи вдруг слышала, как гулко забилося ее сердце. *С моими родными?* Ее родители погибли, когда ей было четыре года. Их машина сорвалась с моста в бурную реку, оборвав не только их жизни, но также жизни ее бабушки и младшего брата, которые ехали с ними. В одно мгновение от ее семьи никого не осталось. В подтверждение этого у нее хранились газетные вырезки.

– Софи, – звучал из автоответчика голос деда, – я ждал много лет, чтобы это тебе сказать. Позвони мне в Лувр. Позвони, как только придешь домой. Я буду ждать здесь всю ночь. Тебе очень многое следует узнать. – На этом запись обрывалась.

Мои родные. От его слов в ней поднялась неожиданная волна любви. И теперь, в темноте мужского туалета в Лувре, она вновь слышала слова из автоответчика: *Софи, мы с тобой в большой опасности... Позвони мне.*

Она ему не позвонила. И вот дед лежал убитый в музее. А рядом с ним на полу она прочитала написанный им код.

Код, который был предназначен специально для нее.

Пусть она пока не понимала его смысла, но не сомневалась: дед обращался именно к ней. Ее страсть к криптографии и познания в этой области были результатом того, что она росла рядом с Жаком Соньером – большим любителем шифров, игр в слова и головоломок. *Сколько воскресений мы провели, разгадывая ребусы и кроссворды в газетах!*

В двенадцать лет Софи без посторонней помощи справлялась с ежедневными кроссвордами в газетах. Тогда Соньер пристранил ее к кроссвордам на английском, математическим задачам и подстановочным шифрам. Она проглатывала все подряд и со временем превратила криптологию в профессию.

В этот раз дед воспользовался простейшим кодом, чтобы свести друг с другом двух незнакомых раньше людей – ее и Роберта Лэнгдона. Возникал вопрос: зачем это ему потребовалось?

По растерянному взгляду Лэнгдона Софи, к своему великому сожалению, поняла, что ему, как и ей, неизвестно, почему ее дед так поступил.

– Так у вас с Соньером на сегодня была назначена встреча? – снова спросила она. – Что вы собирались обсудить?

Лэнгдон озадаченно посмотрел на нее.

– Мне позвонила его секретарь и назвала время. Я не поинтересовался, чего он от меня хочет. Решил, что после лекции будет приятно с ним выпить.

Софи вздохнула и попыталась зайти с другой стороны.

– Дед мне сегодня позвонил и предупредил, что мы с ним в большой опасности. Это вам что-нибудь говорит?

Голубые глаза Лэнгдона затуманились тревогой.

– Нет, но, учитывая то, что сегодня произошло...

Софи кивнула. После вечерних событий было бы глупо не испугаться. Чувствуя себя опустошенной, она отошла в конец туалета и выглянула на улицу сквозь заклеенное сигнальной лентой стекло. Они находились на высоте не менее сорока футов. Внизу мостовая площади Карузель почти вплотную примыкала к Лувру. На светофоре развозящие товары ночные фургоны ждали, когда красный свет сменится на зеленый.

– Не знаю, что вам сказать. – Лэнгдон подошел к ней сзади. – Извините, что ничем не могу помочь.

Софи, отвернувшись от окна, ощутила в его низком голосе неподдельное сочувствие. Хотя этот человек и сам попал в беду, он хотел быть полезным. Как дешифровщик она зарабатывала на жизнь тем, что находила смысл в, казалось бы, бессмысленных данных. И теперь догадывалась, что Роберт Лэнгдон, сознает он сам это или нет, владеет информацией, которая ей так необходима. *Принцессе Софи нужно найти Роберта Лэнгдона.* Дед не мог выразиться яснее. Ей нужно провести с ним больше времени. Чтобы успеть подумать. Чтобы вместе решить загадку.

Она подняла на него взгляд.

– Безу Фаш может в любой момент засадить вас под арест. Я знаю, как вывести вас из музея. Но действовать надо немедленно.

Глаза Лэнгдона округлились.

– Вы хотите, чтобы я ударился в бег?

– Это самое разумное в нынешних обстоятельствах. Вы можете провести недели в тюрьме, пока французская полиция и посольство США будут бодаться из-за того, в чьем суде рассматривать дело. Но если мы сумеем добраться до вашего посольства, американское правительство возьмет вас под защиту, а мы тем временем докажем, что вы не причастны к убийству.

Ее слова ничуть не убедили Лэнгдона.

– Забудьте! У Фаши возле каждого выхода вооруженные охранники. Даже если мы убежим и нас не подстрелят, побег станет доказательством моей вины. Вы должны объяснить Фашу, что послание на полу предназначено для вас и мое имя там – это вовсе не обвинение.

– Я так и поступлю, – поспешно согласилась Софи. – Но только после того, как вы надежно укроетесь в посольстве США. Оно примерно в миле отсюда, а моя машина стоит рядом с музеем. Пытаться договориться с Фашем в Лувре – слишком рискованная игра. Неужели вы не понимаете? Фаш поставил себе целью сегодня же ночью доказать, что вы преступник. И не арестовал вас сразу лишь потому, что хочет подождать, пока вы скажете лишнее или выкинете чего-нибудь такое, что усилит его позицию.

– Вот именно! Например, ударюсь в бег.

Софи вздохнула и, отвернувшись к окну, посмотрела на мостовую внизу. Прыжок с такой высоты гарантирует Лэнгдону перелом обеих ног. Это в лучшем случае. Тем не менее она приняла решение. Роберту Лэнгдону нужно исчезнуть из Лувра, хочет он того или нет.

Глава 15

– Где Лэнгдон? – рявкнул Фаш.

– Все еще в туалете, – ответил лейтенант Колле.

– Парень не спешит. – Капитан посмотрел поверх плеча подчиненного на красную точку навигатора на экране ноутбука.

В идеальной ситуации объект наблюдения не ограничивали во времени и предоставляли ему максимальную свободу действий, чтобы у него появилось ложное ощущение безопасности. Лэнгдон должен вернуться по своей собственной воле. Но прошло уже почти десять минут. Что-то слишком долго засиделся.

– Капитан, – позвал его с другого конца кабинета один из сотрудников. – Думаю, вам стоит ответить на этот звонок.

– Кому я понадобился? – спросил Фаш.

Подчиненный нахмурился.

– Это начальник криптологического отдела.

– Что ему нужно?

– Он по поводу Софи Невё, месье. Что-то не складывается...

Через несколько минут капитан завершил разговор и, подойдя к лейтенанту Колле, приказал позвонить Софи. И когда та не ответила, принялся нервно расхаживать по кабинету.

– Почему она не отвечает? Ты ведь звонил на ее мобильный? Я же видел, что телефон при ней.

– Может, сел аккумулятор. Или выключен звонок, – предположил Колле и, в свою очередь, спросил: – Зачем звонил криптолог?

Капитан резко повернулся к нему.

– Сообщить, что они не нашли никакого смысла в орденских личинах и какой-то золе. Что определили последовательность цифр как числа Фабиаччи, но не видели в ней никакого смысла.

Колле оторопел.

– Но они же прислали агента Невё специально для того, чтобы она нам все это доложила!

– Они не направляли к нам агента Невё, – покачал головой Фаш.

– Как так?

– По словам начальника криптографов, он вызвал свою команду и приказал разобраться со снимками, которые я ему прислал. Затем появилась Невё, взглянула на фото Соньера и код на полу и, не сказав ни слова, ушла. Начальник не осудил ее поведение. Понял, насколько ее расстроило то, что она увидела.

– Расстроило? Почему?

Фаш ответил не сразу.

– Я этого не знал, и, судя по всему, ее начальник тоже. Ему сообщил один из ее коллег. Получается, что Софи Невё внучка Жака Соньера.

Не успели они как следует осознать эту новость, как тишину музея нарушил сигнал тревоги.

– *Большая галерея! Мужской туалет!* – объявил техник.

– Где Лэнгдон? – набросился Фаш на лейтенанта.

– Все еще там. – Колле показал на мигающую красную точку на плане этажа на экране ноутбука. – Господи! Разбито стекло в мужском туалете! Он перемещается к подоконнику!

Фаш не терял времени. Выхватив револьвер из наплечной кобуры, он бросился вон из кабинета.

Колле наблюдал, как мигающий маячок приблизился к оконной раме. А затем произошло нечто совершенно неожиданное. Красная точка вышла за пределы периметра здания.

– Боже праведный! – Лейтенант вскочил на ноги и, поспешно изменив настройки навигатора, увеличил масштаб, чтобы определить точное местонахождение сигнала.

Маячок лежал посреди площади Карузель и больше не двигался. Лэнгдон выпрыгнул из окна!

– Он бросился вниз! – гаркнул Колле в рацию, перекрывая далекий рев сирены. – Сигнал показывает, что он на площади Карузель!

Фаш услышал слова лейтенанта, но их смысл не дошел до него. Он продолжал бежать. Коридор казался бесконечным. Когда он пронесся мимо тела Соньера, его взгляду открылось крыло «Денон».

– Постойте! – В рации снова раздался голос лейтенанта Колле. – Боже, сигнал перемещается! Лэнгдон не разбился. Он двигается. Набирает скорость. Перемещается слишком быстро.

Лавируя по коридору, Фаш бросился к двери туалета. Сирена ревела так, что голос в рации был едва различим.

– Он, должно быть, в машине! Думаю, что он в машине! Не могу... – Слова лейтенанта утонули в реве сирены.

Фаш с револьвером в руке ворвался в туалет и, морщась от нестерпимого звука, огляделся.

В помещении было пусто. Взгляд Фаша моментально скользнул к разбитому стеклу. Он подбежал к окну, распахнул раму и перегнулся через подоконник. Лэнгдона внизу не оказалось.

Сигнализация наконец умолкла, и снова послышался голос Колле:

– Двигается на юг... все быстрее... пересекает Сену по мосту Карузель.

Фаш повернулся налево. Единственным автомобилем на мосту Карузель был длинный трейлер с отдаленно напоминающим огромный гамак виниловым тентом. От неприятной догадки капитан поежился. Несколько секунд назад грузовик, должно быть, стоял на светофоре прямо под окном туалета.

Безумный риск, сказал себе Фаш. Откуда Лэнгдон мог знать, что везет под тентом машина? Прыжок с сорока футов! Сумасшествие.

– Поворачивает направо на набережную Сен-Пере! – крикнул Колле.

Точно. Грузовик, съезжая с моста, притормозил и поехал вдоль Сены. Фаш с изумлением наблюдал, как тяжелая машина скрылась за углом.

Вот и все, подумал он. Через несколько минут грузовик блокируют. Он передал приказ по рации лейтенанту.

– Скажите, чтобы подали мою машину. Я хочу присутствовать при аресте.

Несясь сломя голову по Большой галерее, Фаш хотел быстрее узнать, уцелел ли Лэнгдон при падении.

Хотя это не имело значения.

Он пытался совершить побег.

Следовательно, выдал сам себя и виновен по всем пунктам обвинения.

Лэнгдон и Софи стояли в тени Большой галереи всего в пятнадцати ярдах от Фаша, прижимаясь спинами к перегородке, отделявшей выставочное пространство от туалетов. Они едва успели спрятаться, когда он пронесся мимо с револьвером в руке и скрылся за дверью туалета.

Последние шестьдесят секунд пролетели, как в тумане.

Лэнгдон отказывался бежать с места преступления, которого не совершал, когда Софи сквозь толстое оконное стекло заметила, как засуетились внизу полицейские.

– Стоит немного постараться, и вы отсюда выберетесь, – сказала она, не обращая внимания на звонок мобильного телефона.

Постараться? Лэнгдон с тревогой посмотрел в окно. К светофору внизу подъезжал длинный восемнадцатиколесный трейлер. Нет, Софи не могла такое задумать.

– Исключено! Я не стану туда прыгать!

– Доставайте маячок.

Лэнгдон порылся в кармане и нащупал маленький металлический диск. Софи отобрала его и подошла к раковине. Затем взяла толстый кусок мыла и большим пальцем с силой вдавила в него маячок. Когда диск исчез в мягкой субстанции, она замазала дырку, скрыв маячок внутри. Протянула мыло Лэнгдону, а сама взяла из-под раковины тяжелую металлическую урну. И прежде чем Лэнгдон успел ее остановить, бросилась к окну, держа урну перед собой, как таран. Основание урны угодило в середину окна, и стекло разлетелось на осколки.

Тут же оглушительный вой сигнализации резанул уши.

– Дайте мне мыло! – крикнула Софи, но ее голос едва можно было услышать.

Лэнгдон вложил мыло с маячком ей в ладонь. Сжав его в руке, она высунулась из разбитого окна и посмотрела на застывший внизу грузовик. И как только сигнал светофора готов был смениться, швырнула мыло вниз.

Мыло упало сбоку на прикрывающий груз тент и в тот момент, когда зажегся зеленый, соскользнуло в кузов.

– Примите мои поздравления. – Софи потащила Лэнгдона за руку к двери. – Вы только что сбежали из Лувра.

Выскользнув из мужского туалета, они скрылись в тени как раз вовремя, чтобы не столкнуться с Фашем.

Глава 16

– Метрах в пятидесяти отсюда в Большой галерее есть запасная лестница, – бросила Софи. – Полицейские больше не охраняют периметр здания, и мы можем попытаться выбраться из Лувра.

Они вышли из тени и стали крадучись пробираться по коридору Большой галереи. У Лэнгдона возникло ощущение, будто он в темноте пытается составить из кусочков пазл.

– Как вы считаете, не мог сам Фаш написать послание на полу? – прошептал он.

Софи даже не обернулась.

– Исключено.

Лэнгдон не разделял ее уверенности.

– Уж очень ему хочется, чтобы я выглядел виновным. Может, он считает, что это пойдет на пользу делу?

– А числа Фибоначчи? А постскрипtum? А символика, связанная с да Винчи и богиней? Нет, это рука моего деда.

Лэнгдон понимал, что она права. Символика ключей слишком хорошо подогнана: пентакль, «Витрувианский человек», да Винчи, богиня и даже числа Фибоначчи. *Ясно, что это не случайный набор символов.*

– И не забывайте, дед мне звонил днем, – напомнила Софи. – Он говорил о необходимости сообщить мне что-то важное. Не сомневаюсь, надпись на полу – его последняя попытка донести до меня нечто такое, что вы должны помочь мне понять.

Лэнгдон нахмурился. *Ордена вод личина! И нам – зола!* Ему бы очень хотелось истолковать смысл этих слов ради Софи и ради самого себя. С тех пор как он впервые увидел этот шифр, положение сильно ухудшилось. Его предполагаемый прыжок из окна отнюдь не укрепил доверия к нему Фаши. Лэнгдон сильно сомневался, что капитан французской полиции оценит юмор ситуации; ведь ему пришлось организовать погоню, чтобы арестовать кусок мыла.

– Выход близко, – продолжала Софи.

– Как вы считаете, могут ли цифры в послании вашего деда нести в себе ключ к пониманию других строк? – Лэнгдону уже приходилось работать с рукописями семнадцатого века, содержащими шифры, в которых определенные строки являлись кодами к расшифровке остальных строк.

– Я все время думаю над этим, но ни к чему не пришла. Математически они представляют собой случайную последовательность. С точки зрения дешифровщика – полная бессмыслица.

– Но тем не менее это часть последовательности Фибоначчи. И вряд ли простое совпадение.

– Ни в коем случае. Намекнув на Фибоначчи, дед лишний раз дал понять, что обращается ко мне. Мало того, что написал по-английски, еще и лег, как человек в моем любимом произведении искусства, и нарисовал на себе пятиконечную звезду. Сделал все, чтобы привлечь мое внимание.

– Пентакль для вас что-то означает?

– Да. Не успела сказать: пятиконечная звезда была особым символом общения между мною и дедом, когда я росла. Ради забавы мы играли с ним на картах таро, и моей мастью всегда оказывались пентакли. Уверена, он подтасовывал колоду. Но пятиконечная звезда превратилась в наш маленький секрет.

У Лэнгдона по коже побежали мурашки. *Они играли в карты таро!* Средневековая итальянская карточная игра, первоначально изобретенная для того, чтобы передавать запрещенную Церковью систему верований, была полна скрытой символики. Игры в двадцать две карты носили такие названия, как «Женщина-папа», «Императрица», «Звезда».

Мать таро, обозначающая женскую божественность, – это пентакли, подумал Лэнгдон.

Они добрались до лестницы запасного выхода. Софи осторожно открыла дверь и, потирающая, повела Лэнгдона вниз по тесному крутому пролету.

– Когда ваш дед упоминал пятиконечную звезду, – спросил, следуя за ней Лэнгдон, – он имел в виду поклонение богине или неповиновение Католической церкви?

Софи покачала головой.

– Меня больше интересовала математическая сторона вопроса: золотое сечение, число фи, последовательность Фибоначчи...

– Ваш дед объяснял вам, что такое число фи? – удивился Лэнгдон.

– Конечно. Божественная пропорция. – Она застенчиво улыбнулась. – Даже шутил, что я наполовину богиня. Из-за слога в моем имени.

Задумавшись на мгновение, Лэнгдон осознал услышанное и даже тихо застонал. Конечно же – *Со-фи!*

Продолжая спускаться, он решил, что символика Соньера более последовательна, чем он подумал вначале.

Да Винчи... числа Фибоначчи... пентаграмма.

Как ни странно, эти понятия объединяет настолько основополагающий для искусства принцип, что он посвящал этой теме целые серии лекций.

Число фи. 1,618.

Лэнгдон вспомнил свои рассуждения об этом на занятиях со студентами в Гарварде.

– Кто может ответить, что за число написано на доске? – спрашивал он у аудитории.

Руку поднял студент математического отделения, сидевший на последнем ряду.

– Это число фи.

– Прекрасно, Стетнер, – похвалил его Лэнгдон. – Знакомимся с числом фи.

– Только не стоит путать его с числом пи, – добавил Стетнер. – Фи – очень важное число для искусства. Его считают самым красивым числом во вселенной.

Продолжая объяснение, Лэнгдон говорил, что число фи – производное от последовательности Фибоначчи и что пропорции растений, животных и даже человека с потрясающей точностью соответствуют отношению фи к единице.

– Фи присутствует повсюду в природе, – продолжал он, выключая свет. – Поэтому древние решили, что оно предопределено Создателем, и называли его *божественной пропорцией*.

– Постойте, – прервала его студентка с передней парты. – Мне не приходилось встречать в биологии ничего подобного божественной пропорции.

– Разве? – улыбнулся Лэнгдон. – А как насчет соотношения женских и мужских особей в пчелином улье?

– Женских особей всегда больше, чем мужских.

– Правильно. Но известно ли вам, что, если разделить число женских особей на число мужских в любом улье мира, получится одинаковый результат? И что он будет равняться числу фи?

Лэнгдон показал на экране спиральную раковину.

– Узнаете?

– Какой-то вид моллюска, – ответил студент справа.

– Верно. А теперь попробуйте догадаться, каково отношение диаметра витка спирали к каждому последующему. Конечно. Оно равно числу фи. Золотое сечение или божественная пропорция. Одна целая шестьсот восемнадцать тысячных к одному.

Лэнгдон показывал фотографии одну за другой. Головка подсолнуха, чешуйки сосновых шишек, расположение листьев на ветках, анатомия насекомых – все с потрясающей точностью подчинялось божественной пропорции.

– Поразительно! – выкрикнул кто-то.

– Несомненно, – согласился другой. – Но какое это имеет отношение к искусству?

– Ага! – обрадовался Лэнгдон. – Рад, что вы спросили. – На экране появился знаменитый рисунок Леонардо да Винчи. Обнаженный мужчина, или «Витрувианский человек», был назван в честь блестящего римского архитектора Марка Витрувия, который писал о золотом сечении в архитектуре. – Во времена да Винчи никто лучше его не разбирался в строении человеческого тела. Он эксгумировал и вскрывал трупы, чтобы определить точные пропорции человеческого скелета. Первым продемонстрировал, что тело человека в буквальном смысле слова состоит из строительных блоков, отношение которых друг к другу всегда равняется числу фи. – Лэнгдон снова улыбнулся. – В нашем курсе мы еще много раз вернемся к да Винчи. И вы откроете для себя скрытые символы там, где ничего подобного не ожидали.

– Быстрее, – прошептала Софи. – В чем дело? Мы почти у цели. Не копайтесь!

Лэнгдон, пораженный открытием, поднял взгляд.

Ордена вод личина! И нам – зола!

Софи посмотрела на него.

Неужели все так просто? – подумал он. Но уже понял: так и есть.

В лабиринтах Лувра, обуреваемый мыслями о числе фи и да Винчи, Роберт Лэнгдон внезапно и неожиданно расшифровал код Соньера.

– Ордена вод личина! И нам – зола! – сказал он. – Нет ничего проще этого шифра.

Софи замерла на следующей ступеньке и недоуменно уставилась на своего спутника.

– Вы все сами сказали. – Его голос дрожал от волнения. – Числа Фибоначчи имеют смысл, если только выстроены в определенной последовательности. Иначе они всего лишь математическая бессмыслица. – Софи понятия не имела, куда он клонит. – Спутанная последовательность чисел Фибоначчи – ключ к расшифровке кода. – Лэнгдон показал распечатку. – Строка цифр указывает, как следует обращаться с другой частью послания. Ваш дед перемешал числа Фибоначчи, давая нам понять, что таким же образом обошелся с буквенным текстом. *Ордена вод личина! И нам – зола!* В таком виде эти строки ничего не значат. Это просто буквы, написанные без всякого порядка.

– Вы полагаете, что сообщение – не что иное, как *анаграмма*? – Софи, не отрываясь, смотрела на него.

Не ответив, Лэнгдон достал из кармана ручку и переписал строки.

Из:

Ордена вод личина!

И нам – зола!

Получилось:

Леонардо да Винчи!

Мона Лиза!

Глава 17

Мона Лиза.

Софи стояла на ступенях запасного выхода, позабыв, что они собирались бежать из Лувра. Потрясение от того, что удалось прочитать анаграмму, смешивалось с обидой, что шифр поддался не ей.

– Удивляюсь, как ваш дед сумел составить такую сложную анаграмму, когда ему оставалось жить всего несколько минут.

Софи знала ответ, и от этого ей было только больнее. *Как я не поняла?* Она вспомнила, что в юности дед развлекался анаграммами, превращая в шарады знаменитые произведения искусства. Когда Софи была еще маленькой, одна из таких анаграмм стоила ему неприятностей. Дед давал интервью американскому искусствоведческому журналу и выразил свое неприятие кубизма начала двадцатых годов прошлого столетия, заметив, что шедевр Пикассо «Авиньонские девицы» полностью соответствует анаграмме названия картины: «мерзкая бессмысленная пачкотня». Это совсем не понравилось ценителям Пикассо.

– Я думаю, что дед давным-давно придумал эту анаграмму Моны Лизы. – Софи посмотрела на Лэнгдона. *А сегодняшние обстоятельства заставили его воспользоваться былой заготовкой в качестве импровизированного шифра.*

Голос Соньера ясно прозвучал в ее ушах:

Леонардо да Винчи!

Мона Лиза!

Почему, прощаясь, он упомянул знаменитое полотно? Софи не могла ответить, но догадка ее пугала.

Эти его слова были не последними...

Неужели он просил ее подойти к картине? Не там ли дед оставил ей еще одно сообщение? Что ж, вполне вероятно. «Мона Лиза» висит в отдельном зале, доступ туда есть только из Большой галереи. Софи вдруг сообразила, что вход в этот зал находится всего в двадцати метрах от места, где нашли мертвого Соньера.

Оглянувшись на запасную лестницу, она почувствовала, что разрывается на части. Софи понимала, что нужно немедленно выводить Лэнгдона из музея, но инстинкт гнал ее к «Моне Лизе». Если деду требовалось сообщить ей какой-либо секрет, в мире не было более подходящего места, чем это.

– Она тут совсем рядом, – шептал ей дед, когда в первый раз привел Софи в крыло «Денон» и, сжав ее хрупкую детскую ручку, показывал ей музей уже после закрытия.

Ей тогда исполнилось шесть лет, и она, глядя на высокие потолки и вызывающий головкружение орнамент пола, чувствовала себя маленькой и ничтожной. Пустой музей ее пугал, хотя она не подавала вида, не хотела, чтобы дед об этом знал. Сжала зубы и выдернула руку.

Софи видела изображение Моны Лизы в книгах, и оно ей совершенно не нравилось. Она не понимала, почему люди так восхищаются этой картиной.

Она осмотрела узкое пространство «Зала государств», и ее взгляд остановился в центре правой стены, где за защитным стеклом висел одинокий портрет.

– Подойди, Софи, – пригласил дед. – Немногим выпадает удача побыть с ней наедине.

Поборов страх, девочка двинулась к картине. После всего, что она слышала о «Моне Лизе», у нее возникло чувство, что она находится в обществе особы королевской крови. Софи затаила дыхание и подняла взгляд. Она не знала, какое впечатление произведет на нее портрет, но ничего особенного и не ожидала. Ни изумления, ни восторга. Знаменитое лицо выглядело

точно так, как и на страницах книг. Казалось, целую вечность Софи стояла в ожидании, что вот-вот что-то случится.

– Ну как? – шепотом спросил дед, подходя сзади. – Правда, красиво?

– Она слишком маленькая.

Соньер улыбнулся.

– Ты тоже маленькая, но красивая.

Я не красивая, подумала Софи, проклиная в душе свои рыжие волосы и веснушки. Она была крупнее всех мальчишек в классе. Девочка снова взглянула на «Мону Лизу» и покачала головой.

– Она смотрит так, словно что-то знает. Как ребята в школе, если скрывают какой-то секрет.

Дед рассмеялся.

– Отчасти поэтому она так знаменита. Люди пытаются понять, чему она улыбается.

– А ты знаешь?

– Может быть, – подмигнул дед. – Когда-нибудь я тебе расскажу.

Софи топнула ножкой.

– Я тебе говорила, что не люблю секретов.

Соньер потрепал ее по плечу.

– Жизнь полна секретов, принцесса. Невозможно узнать все сразу.

– Я возвращаюсь наверх. – Голос Софи глухо раздался в пролете лестницы.

– К «Моне Лизе»? – отпрянул Лэнгдон. – *Сейчас?*

Софи попыталась оценить возможный риск.

– Меня в убийстве не подозревают. Попробую. Мне надо понять, что хотел сообщить мне дед.

– А как насчет того, чтобы добраться до посольства США?

Софи кольнуло чувство вины: она подбила Лэнгдона на побег, а теперь бросает одного. Но выбора не было. Она показала на металлическую дверь у подножия лестницы.

– Пройдете сквозь нее и дальше следуйте световым указателям выхода. Они приведут вас к турникету, где вы сможете выйти. – Она протянула ему ключи от машины. – У меня красный «смарткар», стоит на площадке для сотрудников музея. Представляете, как доехать отсюда до посольства?

Зажав в руке ключи, Лэнгдон кивнул.

– Послушайте! – Голос Софи стал мягче. – Мне кажется, дед оставил мне на «Моне Лизе» сообщение – что-то вроде ключа к загадке, кто его убийца. Или почему мне грозит опасность. – *Или что на самом деле случилось с моими родными.* – Мне нужно сходить посмотреть.

– Но если он хотел предупредить вас об опасности, почему просто не написал это на полу там, где умирал? К чему эти хитроумные игры в слова?

– То, о чем намеревался сообщить мне дед, не предназначалось для чужих глаз. Даже для глаз полицейских. Как бы странно это ни звучало, думаю, он хотел, чтобы я оказалась у «Моны Лизы» раньше других.

– Я пойду с вами.

– Нет! Мы ведь не знаем, когда в Большую галерею нагрянут полицейские. Вам надо спешить. Увидимся в посольстве, мистер Лэнгдон.

Он поморщился и твердо заявил:

– Только при одном условии.

Софи удивленно подняла на него взгляд.

– При каком?

– Вы перестанете называть меня мистером Лэнгдоном.

Она заметила, как слегка искривились в улыбке уголки его губ, и улыбнулась в ответ.
– Удачи, Роберт!

Когда он оказался на нижней ступеньке лестницы, в нос ему ударил характерный запах льняного масла и гипса. Впереди светящаяся стрела с надписью «SORTIE/ВЫХОД» указывала в конец длинного коридора. Виртуозные анаграммы Соньера не выходили у Лэнгдона из головы, и его мучило любопытство: что же найдет Софи на «Моне Лизе»... если там вообще что-то есть. Она, казалось, не сомневалась в последнем желании деда – он хотел, чтобы внучка снова подошла к знаменитому полотну. Похоже на правду. Но Лэнгдону не давал покоя еще один вопрос.

Р. С. Найди Роберта Лэнгдона.

Соньер написал на полу его имя и велел внучке его отыскать. Зачем? Только для того, чтобы помочь расшифровать анаграмму? Не похоже. У Соньера не было оснований считать, что он знаток анаграмм.

Софи разобралась бы с анаграммой сама.

Лэнгдон в этом больше не сомневался, но не мог не удивляться пробелу в логике действий Соньера.

Почему я? – спрашивал он себя, шагая по коридору. Что такого, по его мнению, я знаю, из-за чего он указал на меня?

Вдруг он остановился от удивления как вкопанный и, поспешно выхватив из кармана лист с компьютерной распечаткой, уставился на последнюю строку послания.

Р. С. Найди Роберта Лэнгдона.

Он не сводил взгляда с первых двух букв.

P.S.

В этот миг смысл символики Соньера стал ему ясен, словно кто-то навел резкость. Ударом грома обрушились собственные приобретенные за долгую карьеру познания в истории и символике. И все, что совершил Соньер в этот вечер, сделалось совершенно понятным.

Мысли роились у него в голове, пока он пытался вникнуть в смысл того, что только что ему открылось. Лэнгдон повернулся и понесся обратно – туда, откуда только что пришел.

Хватит ли времени?

Он понимал, что это больше не имеет значения, и без колебаний бежал вверх по лестнице.

Глава 18

Софи, затаив дыхание, подошла к большим деревянным дверям зала, где висела «Мона Лиза». Но прежде чем войти, заглянула в коридор, где ярдах в двадцати под фонарем по-прежнему лежало тело ее деда.

Ее охватило мучительное раскаяние, глубокая грусть была окрашена чувством вины. Прошедшие десять лет Соньер пытался достучаться до нее, но она не распечатывала ни писем, ни пакетов, которые он ей присылал. *Он мне лгал! Хранил от меня ужасные тайны! Как еще я могла поступить?*

И вот дед умер и говорил с ней из вечности.

Мона Лиза.

Софи толкнула массивные двери, и перед ней открылся проход. Она на мгновение задержалась на пороге и обвела взглядом большой четырехугольный зал. Он, как и другие помещения Лувра в этот час, был залит мягким красным светом.

Еще не войдя в зал, Софи вспомнила, что у нее с собой не было ультрафиолетового фонаря. Если здесь и есть какая-то надпись, Соньер почти наверняка сделал ее водяными знаками.

Она глубоко вздохнула и, набравшись смелости, поспешила к ярко освещенному месту преступления. Не в силах смотреть на тело деда, стала копаться в полицейских инструментах. Нашла фонарик в виде ручки, сунула его в карман свитера и поспешила обратно по коридору. Внезапно в красноватом сиянии появилась чья-то призрачная фигура. Софи отпрянула.

– Вот вы где. – Тишину галереи прорезал хриплый шепот Лэнгдона, и он сам материализовался из темноты.

Софи вздохнула с облегчением, но тут же спохватилась.

– Роберт, я велела вам уезжать. Если нагрянет Фаш...

– Куда вы делись?

– Ходила за ультрафиолетовым фонарем. Если дед написал сообщение...

– Слушайте, Софи. – Лэнгдон не сводил с нее голубых глаз. – Эти буквы – P.S. – они что-нибудь для вас значат? *Вообще что-нибудь?*

Испугавшись, что их голоса могут отдаваться эхом в галерее, Софи потянула его в зал с портретом Моны Лизы и тихонько затворила за собой массивные двери.

– Я же вам говорила – Принцесса Софи.

– Это так. Но вы их больше нигде не видели? Ваш дед не использовал эти буквы для чего-нибудь еще? В качестве личного логотипа на письмах или как-нибудь иначе?

Его вопрос удивил Софи. *Откуда Роберту известно?* Она в самом деле однажды видела такие буквы – накануне своего девятого дня рождения, когда тайно обыскивала дом в поисках подарков: уже тогда она не выносила, чтобы от нее что-нибудь скрывали. *Что мой Grand-père приготовил мне в этом году?* Софи рылась в ящиках шкафов и комодов.

И, набравшись храбрости, заглянула в спальню деда. Вход ей туда был запрещен, но сейчас дед спал внизу на диване.

Я только быстренько посмотрю, и все.

Она на цыпочках прошла по скрипящему полу к его гардеробу. Заглянула за одежду на полках – ничего. Следующая цель – пространство под кроватью. Там тоже было пусто. Подошла к бюро и, открывая ящики, потрогала все внутри. *Должно же быть что-нибудь для меня!* Вконец расстроенная, Софи открыла последний ящик и наткнулась на черную одежду, которую никогда не видела на деде. Когда она уже собиралась его закрыть, в глубине блеснуло золото.

Ожерелье?

Софи осторожно вынула цепочку из ящика. К ее удивлению, на ее конце был блестящий золотой ключ, тяжелый и мерцающий. Завороженная, она поднесла его к глазам. Таких ключей ей видеть не доводилось. Большинство были плоскими, с зубчатой бородкой. А этот – треугольным, с маленькими выемками по всей длине. Массивная золотая головка имела форму креста или скорее математического знака +, поскольку все четыре стороны были равной длины. В середине креста был выбит необычный символ – две буквы, вплетенные в цветочный узор.

– P.S. – Девочка нахмурилась, прочитав буквы. *Что бы это могло значить?*

– Софи! – позвал ее с порога дед.

От неожиданности она резко обернулась и выронила ключ. Тот со звоном упал на пол.

– Я... искала мой подарок на день рождения. – Софи опустила голову, понимая, что обманула доверие деда.

Тот, казалось, целую вечность стоял в дверях молча. И наконец тяжело вздохнул.

– Подними ключ, Софи. – Она послушалась. – Софи, ты должна уважать право других людей на личную жизнь. – Он осторожно опустился на колено и взял у нее ключ. – Это особенный ключ, Софи. Если его потерять...

Дед говорил тихо, спокойно, и от этого она чувствовала еще больший стыд.

– Прости, дед, я виновата. – Она помолчала. – Я решила, что это цепочка мне на день рождения.

Соньер неотрывно смотрел на нее несколько секунд.

– Повторяю еще раз, потому что это очень важно, Софи: ты должна научиться уважать право других людей на личную жизнь.

– Хорошо, дед.

– Мы поговорим об этом как-нибудь в другой раз, а сейчас нужно выкопать сорняки в саду.

Софи побежала выполнять задание.

На следующее утро она не получила от деда никакого подарка. Да и не ждала – после того, как с ним поступила. За весь день он даже ни разу ее не поздравил. Вечером она грустно побрела к себе в спальню и вдруг нашла на подушке открытку с простой головоломкой. *Знаю, знаю! Это игра в поиски сокровищ!*

Сгорая от любопытства, она решила задачку, и отгадка привела ее в другую часть дома, где лежала другая открытка с еще одной головоломкой. Софи носилась по дому от одного ключа к другому, пока последний не направил ее в собственную спальню. Девочка взлетела по лестнице и замерла на пороге. В середине спальни стоял сверкающий красный велосипед с обвязанным лентой рулем. Софи взвизгнула от восторга.

– Помнится, ты просила куклу. – Сидящий в углу комнаты дед улыбнулся. – Но я решил, что велосипед тебе понравится больше.

– Grand-père. – Софи обняла Соньера. – Ты прости меня за ключ. Мне правда очень стыдно.

– Знаю, милая, ты прощена. Я не могу на тебя сердиться. Дедушкам и их внукам положено прощать друг друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.